

Наперегонки со смертью

Андрей Воронин

Наперегонки со смертью

Воронин А. Н.

Наперегонки со смертью / А. Н. Воронин — — (Наперегонки со смертью)

Александр Бондарович, профессиональный военный, волею случая становится боевиком криминальных структур, но и порвав с преступным миром, он не обретает покоя он и его женщина вовлекаются в водоворот смертельной схватки различных спецслужб.

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	9
III	12
IV	14
Часть вторая	49
I	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Воронин

Наперегонки со смертью

Часть первая

Кровь на сапогах

I

Женька Хлыст, шедший в двух шагах впереди Сашки Бондаровича, в три погубели сгибаясь под тяжестью "бидона", как называли они эти герметические термосы-контейнеры между собой, вдруг споткнулся и чуть не упал. "Бидон" зашатался, теряя равновесие на плече у Женьки, и, вырвавшись все же из цепких и крепких рук парня, грохнулся оземь, неудачно попав замком прямо на довольно крупный камень. Замок не выдержал удара, крышка отскочила, и на сапоги Бондаровича хлынул поток крови.

Темной, густой, несомненно человеческой, крови.

"Так вот что каждый месяц грузили мы в этих контейнерах в вертолет! Так вот чем, оказывается, занимается Ахметка в своей чертовой лаборатории!"

Женька стоял, ошеломленно глядя на лужу крови, а на него уже несся Ахмет, бешено тараша свои маленькие глазенки.

– Шакал гребаный! Ублюдок! Я тебя... – страшно вопил разъяренный таджик.

Хлыст так и не успел дослушать все проклятия и ругательства Ахмета – острый и длинный кинжал таджика вспорол ему горло. Ахмет всегда резал людей и баранов одинаково спокойно, не выражая никаких эмоций, а сейчас он это сделал с ненавистью, яростно, с сумасшедшей злостью сверкая глазами.

Он засунул острие лезвия поглубже в горло и несколько раз провернул его там. Фонтан яркой Женькиной крови хлынул на таджика, на грудь Женьки, на песок, смешиваясь с той, темной. Ахмет выдернул нож и отскочил в сторону, а то, что минуту назад было Женькой, постояло какое-то мгновение, судорожно дернуло руками и упало. Лицом прямо в кровь, свою и чужую.

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Бондарович швырнул свой контейнер в Ахмета, точным и выверенным движением рванул с плеча автомат Калашникова и дал очередь. Прямо в вытаращенные глаза проклятого чурки.

Выстрелы гулким эхом разнеслись по горам.

Очередь в упор снесла Ахмету полголовы, и мозги ошметками медленно, как в кино, взлетели на том месте, где за мгновение до этого возвышалась баранья шапка их бывшего владельца. Ахмет, кажется, так и не понял, что произошло, как был уже у Аллаха.

Но у Бондаровича не было времени любоваться сделанной работой, выстрелив, он тут же отпрыгнул в сторону и, перекатившись, как учили его когда-то в десанте, по земле, укрылся за кучкой камней. Запоздалая очередь из крупнокалиберного пулемета со сторожевой вышки, где охранник лагеря, видимо, только сейчас сообразил, что к чему, взметнула фонтанчики земли на том месте, где только что стоял Бондарович. Но вторая очередь из автомата заставила охранника успокоиться навсегда.

"Ну, Банда, кажется, ты влип! – мелькнуло в голове парня. – Чего ж ты наделал-то, а?! Чего теперь будет?!"

Но мысли бегают, а руки делают – Бондарович был профессиональным солдатом и рассуждать в бою не привык. В такие минуты он действовал автоматически, интуитивно, выбирая самое правильное, самое верное решение, и до сих пор интуиция его не подводила. В слишком серьезную переделку он так неожиданно попал, чтобы еще задумываться над своими действиями. Теперь перед ним был враг.

Враг невероятно сильный, не знающий пощады, жалости он не вызывал.

Бондарович вскочил и в три прыжка оказался позади вертолета, под прикрытием его хвоста. Перехватив автомат в левую руку, он резко рванул из кармана куртки гранату, зубами выдернул чеку и метнул в кабину вертолета, тут же отпрыгнув в сторону и упав на землю. Прикрыв голову автоматом, он услышал взрыв и как-то вдруг сразу понял – пронесло. Ни один осколок не зацепил его. И тогда Банда вскочил и дал длинную очередь прямо туда, в кабину, полную огня и клубов дыма, а потом побежал прочь – вот-вот должны были рвануть баки Мишки.

Взрыв бросил его на землю, и парень больно ударился коленом о камень. И тут же рядом с ним тоненько просвистели пули, заставив сердце противно сжаться от чувства почти животного страха.

Сашка кувыркнулся вперед, потом резко откатился в сторону и очень удачно оказался за старой брошенной покрывкой, которая давала ему хоть какую-то возможность укрыться.

Он сразу понял, откуда в него стреляют: в лаборатории были еще трое таджиков – двое из охраны и врач, и у парня не было сомнений, что это они выскочили на звуки стрельбы и теперь ведут огонь по нему.

Он перезарядил автомат, вытащил еще одну гранату, эту незаменимую в ближнем бою легкую РГД-5, и, услышав гортанный вскрик чуть левее от себя, дернул чеку и швырнул гранату на звук. Он знал, что вряд ли попадет, но взрыв гранаты – заставит проклятых чурок плюхнуться носом в песок, и именно этот момент он использует.

Банда вскочил на колени и дал длинную-длинную очередь, поведя стволом слева направо. Пули веером разнеслись по лагерю. Звонко лопнуло разбитое стекло в окне лаборатории. Гулко стукнула пробитая пулей железная бочка для дождевой воды, стоявшая у крыльца. Неожиданно тонко заверещал один из нападавших, получивший порцию свинца в живот.

Но только один...

Где второй?!

Бондаровича как-то вдруг сразу прошиб холодный пот. Вот сейчас очередь, и все...

И тут он заметил на месте взрыва своей гранаты покореженный автомат с разбитым цевьем, кусок маскировочной куртки, ботинок с остатком ноги...

Такая удача выпадает только раз в жизни, – бросив гранату на звук голоса, он угодил ею прямо под ноги нападавшему.

"Теперь врач. Хана фашисту!" – решение в голове Бондаровича созрело сразу. Он ни на секунду не усомнился, вправе ли был вершить высший суд.

Перевернув "по-афгански" связанные в одно целое магазины, он передернул затвор и решительно направился к лаборатории.

Глупо было бы напороться на выстрел обезумевшего от страха врача, поэтому действовал Бондарович четко и точно, как когда-то в училище на "показухе", – прижавшись к косяку входной двери спиной, он резко прыгнул в проем, дав очередь по всей длине коридора. Четыре двери, все по одну сторону коридора. Это значительно облегчало его задачу.

Шаг за шагом медленно продвигался он в глубь лаборатории, выбивая ногой двери.

Эта, видимо, была чем-то вроде раздевалки-накопителя – стены с рядами вбитых гвоздей, голые лавки по периметру.

В следующей, отделанной кафелем, брали кровь – несколько кушеток, аппараты для забора крови, простейшие инструменты, шприцы...

Им, охранникам-славянам, никогда толком не доверяли, и в помещении лаборатории Бондарович оказался впервые. Обычно кто-нибудь из таджиков вытаскивал контейнеры на крыльцо, и работа русских заключалась лишь в том, чтобы отнести "бидоны" в вертолет. Теперь Бондарович с содроганием осматривался на этой "фабрике крови". Только сейчас он понял, что именно было второй статьей доходов Ахмета...

В третьей комнате все еще стояло несколько контейнеров, и Банда догадался, что это помещение служило таджикам чем-то вроде кладовки.

Врач мог оказаться только за последней, закрытой дверью.

Сашка вытер вмиг вспотевший лоб тыльной стороной ладони, глубоко вздохнул и решительно мощнейшим ударом подкованного сапога вышиб дверь.

Врач, тщедушный старый таджик, сидел на полу в самом дальнем углу, в диком ужасе закрыв лицо руками.

Бондарович вспомнил, как лечился пару месяцев назад у этого старикашки. Тогда он растянул руку, выбивая зубы кому-то из слишком блатных подопечных, и старик пытался наложить ему на запястье тугую повязку, дрожащими от вечного сосания анаши руками закручивая узел. Парень вспомнил эти дрожащие руки, представил себе иглу в этих руках, которая нащупывает вену на руке очередного "донора", и ярость с новой силой нахлынула на него, застилая глаза страшной кровавой пеленой.

– Встать, сука! – заорал он, зачем-то снова передергивая затвор автомата, из которого вылетел еще не отстрелянный патрон. – Встать!

Стараясь угодить, старик торопливо поднялся, и Бондарович с силой ткнул ему в живот стволом автомата.

– Что тут было? Ты чем тут занимался?.. Отвечай!

Врач не мог вымолвить от ужаса ни слова, и Банда пятерней левой руки двинул ему в нос, заставляя мысли старика двигаться быстрее.

– Что здесь было, я спрашиваю? Ну!

– Донорский пункт...

– Вы брали кровь у "зэков"?

– Да...

– Зачем?

Казалось, старик не ожидал более глупого вопроса и недоуменно взглянул на своего неожиданного судью.

– Зачем, я спрашиваю?

– За кровь платят хорошие деньги!

– Кто платит?

– Купцы...

– Кто они?

– Я не знаю, я правда ничего не знаю, – вдруг заторопился старик, желая рассказать все и надеясь вымолить себе за это пощаду. – Это все Ахмет-бей.

Он знает таких людей в городе, которые платят хорошо "зелеными". Говорят, потом эта кровь идет то ли в Пакистан, то ли в Ирак. Куда-то туда на лекарственные препараты.

– Поскольку же ты брал у каждого человека?

– Я правда ни в чем не виноват...

– Сука! – снова взорвался Бондарович, поддав как следует стволом автомата старику в живот. – Говори, старый козел, иначе проверю, сколько в тебе крови булькает!

– Я брал по-разному, смотря кто как себя чувствует... У кого двести граммов...

– Не трынди, гад!

– Больше литра, клянусь Аллахом, зараз не брал! Они бы сдохли сразу, – старик вдруг упал на колени, целуя сапоги Бондаровича.

– То-то я думаю, чего они мерли как мухи после твоих "банных дней"! – Сашка почувствовал, что у него, привыкшего ко всему, волосы встают дыбом.

Он больше не мог находиться в этом страшном, пропитанном, казалось, ужасом помещении. – Ты же кровосос, вампир! Падла!

Бондарович со всего размаха заехал доктору ногой в лицо. Старика отбросило к стене, головой он больно ударился о бетонную поверхность, а из носа хлынула кровь.

– Ты зальешься, падла узкоглазая, своей собственной кровью! – Бондарович теперь кричал что-то, сам не осознавая, что кричит. Бешенство и ужас пронизывали его мозг, его нервы. Он с пояса, не целясь, дал очередь, и только чудом пули чиркнули по бетону в считанных сантиметрах от чалмы врача, отбивая куски штукатурки и разлетаясь, отрикошетив от стены. – Падла! Сука! Убью!..

Но он так и не смог пристрелить безоружного старика и, в ярости пробив ногой деревянную дверцу шкафа в комнате, повернулся к выходу. Он уже сделал шаг к двери, когда интуиция в очередной раз безошибочно скомандовала: "Сзади!"

Банда мгновенно вскинул автомат и резко обернулся. В сотую долю секунды глаза парня отметили, как поднимает старик невесть откуда взявшийся пистолет, нащупывая пустой черной глазницей ствола грудь Бондаровича. Это было почти как на ковбойской дуэли – кто быстрее.

У врача с вечно дрожащими от наркотиков руками не оказалось шансов – очередь Сашки вспорола ему халат на груди, и кровь яркими алыми пятнами тут же проступила на нижней рубашке старика.

Он упал, и Бондарович не сдержался – плюнул на мертвое уже тело:

– У, мразь! Тьфу!

II

Бондарович вышел из лаборатории и уселся в тени здания, устало привалившись к стене. После подобных передряг, которые требовали мобилизации всех сил – и физических, и духовных, – он всегда чувствовал себя опустошенным, неспособным на какие-то бурные эмоции.

Теперь работал только его мозг.

"Посчитаем еще раз. Женька – раз, я – два, Ахмет – три. В вертолете был летчик и Махмуд, брат Ахмета, – всего пять... Кстати, надо проверить, вдруг кто из вертолета живой... Так, охранник на вышке, Абдулла, – шесть. Двое из лаборатории и врач – итого девять..."

Он встал и, закинув на плечо автомат, побрел к горящему вертолету – убедиться, что дело сделано.

"В поле, как обычно, пятеро. Можно было бы, конечно, дождаться их и тоже положить, но... Глядишь, вертолета хватятся, проверить решат... Да и с этими пятерыми, пока перестреляешь – можно половину "зэков" уложить".

Он подошел к обломкам вертолета. После взрыва баков с керосином кабину разнесло вдребезги, отдельно валялся покореженный винт и отвалившийся хвост. Керосин уже выгорел, пламя успокоилось, но в огне и дыму разглядеть трупы было невозможно.

"А, черт с ними! Если и уцелел кто, то драпанул в горы с перепугу... Пусть катится!"

Он осмотрелся.

Отсюда, с вертолетной "площадки" – более-менее ровного участка в ложбине гор, – лагерь был как на ладони. Не зря здесь же поставили и вышку охранника. Метрах в ста располагалась лаборатория, чуть пониже – домик охраны и своеобразный штаб братьев Абдурахмановых, Ахмета и Махмуда.

Еще дальше, у подножия вертикальной скалы – барак для "зэков". Вся небольшая территория лагеря была обнесена колючей проволокой, и поэтому сбежать отсюда днем для "зэков" действительно не представлялось возможным, а на ночь их запирали в бараке, приковывая особо строптивых наручниками к нарам.

У штаба стояла "мицубиси-паджеро" Ахмета, великолепный по всем параметрам автомобиль повышенной проходимости, и Бондарович даже присвистнул радостно, вспомнив о существовании этого чуда японской техники.

– Эта лайба меня и вывезет! – произнес он в голос, обращаясь к себе.

Он нашел труп таджика, перевернул его на спину и тщательно обыскал карманы. Обрадовался тяжелому полированному "вальтеру", в котором оказалась полная обойма патронов, не считая сунул в карман пачку долларов и наконец выудил из кармана брелок с фирменным брелком "Мицубиси моторз".

Потом обошел все трупы, собрал оружие и боеприпасы и оттащил все свое богатство к джипу.

Только сейчас Бондарович понял, как он запарился.

Азиатское солнце припекало все сильнее, и пока парень доволлок до машины четыре автомата, кучу магазинов и гранат, его хэбэшка афганского образца вся промокла от пота.

Он открыл машину и бросил на пассажирское сиденье спереди свой, надежный и пристрелянный, автомат, а остальные разложил на заднем сиденье.

На коврик слева от водительского моста парень высыпал гранаты и магазины с патронами, засунул "вальтер" за пояс и направился в штаб.

Первым делом Бондарович зашел в свою, довольно тесную и темную комнатку с одним маленьким оконцем, в которой он провел последних полгода. Окинул взглядом узкую армейскую кровать, тумбочку, маленький черно-белый телевизор, который питался от автомобиль-

ного аккумулятора, старый как мир кассетник "Карпаты", явно переживший на своем веку слишком многое, стопку журналов и книг...

Забирать здесь было нечего, и ни о чем не тосковала душа, расставаясь со всем этим навсегда. Ну а честно или нечестно заработанные за эти месяцы доллары хранить здесь было бесполезно – все равно украли бы "товарищи" по охране. Баксы, около четырех тысяч, были всегда при нем – в каблуках сапог, в подкладке куртки и даже в специальном маленьком мешочке на тыльной стороне поясного ремня, который он соорудил специально для этой цели.

Единственное, что сделал Сашка в своей комнате, – выгреб из тумбочки все свои любимые кассеты – "Кино", "Наутилус", "Машина времени". Все альбомы старые, давно известные и некоторым даже надоевшие, но это была его музыка, музыка его молодости, которая волновала и тревожила Банду даже сейчас...

Он открыл на всякий случай поочередно все двери комнатшек охранников, но их интерьер вряд ли чем-то существенно отличался от убранства комнаты самого Бондаровича: такая же теснота, такие же узкие кровати и примитивные тумбочки. Только, пожалуй, плакатов из "Плейбоя" да "Пентхауза" здесь было побольше.

Он зашел на кухню, открыл холодильник и сунул за пазуху несколько банок тушенки, буханку хлеба, взял армейский термос-бачок с питьевой водой и тоже отнес все это в машину.

Затем снова вошел в штаб и направился в святая святых – квартиру братьев Абдурахмановых, хозяев лагеря.

Дверь из коридора вела в своеобразную приемную, в которую охрана лагеря заходила раз в месяц – получать зарплату. За двумя дверями располагались непосредственно апартаменты братьев, и никто посторонний до этого не переступал порога их комнат.

Банда даже не знал, где чья комната.

Он выбил ногой левую дверь и невольно остановился на пороге, пораженный увиденным. Да, братья умели создавать себе комфорт! Комната вся была убрана коврами, уставлена низенькими мягкими турецкими топчанами, а в углу на фирменных тумбочках покоилась великолепная аппаратура – телевизор, видеосистема, аудиокomплекс, – специально предназначенная для питания от аккумуляторных батарей напряжением в двенадцать вольт.

Банду особенно поразило количество всевозможного оружия, развешанного на стенах, и именно по этой детали парень догадался, что комната принадлежала Ахмету – это он был страстным любителем и, как оказалось, коллекционером всего колющего, режущего и стреляющего.

Да, Сашка замечал и раньше, как чуть ли не каждый день менял хозяин пистолеты – с "беретты" на "парабеллум", с "парабеллума" на какой-нибудь крутой "Смит – Вессон", а иногда прохаживался по плантациям конопли с небрежно накинутым на плечо "узи" или карабином СКС с оптическим прицелом. Но такого разнообразия и такого огромного количества оружия Банда себе даже и представить не мог!

Первым делом парень схватился за "узи" – он давно мечтал опробовать этот маленький скорострельный автомат – признанное оружие всех террористов и спецслужб многих государств. Не случайно лицензию на его изготовление приобрели у Израиля несколько стран, далеко не новичков в изготовлении огнестрельного оружия. Потом он подобрал несколько пистолетов помощнее и особенно обрадовался мощному "кольту" с лазерным прицелом и глушителем. Это была стоящая "пушка"! Стоит только зафиксировать красненькое пятнышко на лбу потенциальной жертвы, нежно коснуться спускового крючка и – чмок! – полголовы нету...

"А патроны?"

Он обошел комнату еще раз и заглянул под диванчики. Так и есть – армейские железные ящики стояли именно там. Его удивило, как аккуратно обращался Ахмет с боеприпасами – каждая коробочка с патронами была тщательно надписана: вид оружия, калибр, количество

боеприпасов. Парень взял по сто патронов к каждому из своих пистолетов, нагреб побольше заряженных магазинов к "узи", рассовал по карманам и за пазуху десяток гранат.

Здесь же, в одном из ящиков, он обнаружил и пачку долларов, стянутых резинкой. Видно, братья были настолько уверены в неприкосновенности своих жилищ, что даже не считали нужным прятать свое богатство более тщательно.

И в самом деле – кто-то из них все время был в лагере, и проникнуть в эти помещения действительно не представлялось возможным.

Бросив взгляд на часы. Банда заторопился – увлеченный и завороженный обнаруженным в комнате Ахмета арсеналом, он совершенно забыл о времени, а сейчас каждая лишняя минута играла против него.

Он быстро выбежал из штаба, сгрузил все оружие в машину и прыгнул за руль.

"А, черт, в комнату Махмуда забыл заглянуть!"

Может, и там нашел бы что интересное... А впрочем, пошло оно все к черту. Ничего мне больше не надо, лучше смыться подальше, пока не поздно".

Ключ – в замок зажигания, сцепление, поворот ключа – и мотор мощно, но почти неслышно в салоне зарычал. Сашка посмотрел на рычаг коробки передач – раньше ему такие машины водить не приходилось. На счастье, ручка оказалась с вполне понятными символами, и парень уверенно включил первую передачу, плавно отпуская сцепление и выжимая газ.

Мощный двигатель буквально сорвал машину с места, и джип понесся, поднимая за собой клубы пыли, прочь из лагеря, через открытые на день ворота в "колючке".

"Прощай, еще один кусок моей бестолковой жизни!" – горько усмехнулся Банда, нажимая на клаксон и оглашая притихший лагерь пронзительным прощальным сигналом "мицубиси".

III

Банда гнал, особенно не разбирая дороги, – объезжать каждую выбоину на этой машине смысла не было, а время терять никак нельзя. Он должен был обязательно вырваться не только из этого района, но и вообще из Таджикистана – если купцы Абдурахмановых или их друзья и покровители хватятся товара, если им станет известно, что лагерь разгромлен, они неминуемо захотят расквитаться, и тогда Банде пощады не будет. Бесплезно было обращаться и к местным властям – наверняка начальник райотдела милиции прекрасно осведомлен обо всех делах братцев. Ведь не зря же за все долгие месяцы жизни Сашки в этом лагере ни один представитель власти, пусть бы даже в лице участкового, не появился во владениях братьев. – Машина свободно, без напряжения, даже по этим камням развивала скорость до ста двадцати километров в час, и Банда был почти уверен, что вырвется. Он специально сворачивал на самые малоприметные, непроторенные дорожки, старательно объезжая редкие аулы, стремясь меньше попадаться людям на глаза. Хотя здесь, в этом пустынном горном районе, такие предосторожности, возможно, и были излишними.

В конце концов мощь и великолепия машины захватили его, и парень позволил себе расслабиться, наслаждаясь гонкой. Одной рукой он поворачивал ручки кондиционера, и холодный воздух наконец-то хлынул в кабину, освежая и восстанавливая силы, – ведь даже полностью открытые окна и жуткий сквозняк, который устроил себе в машине Сашка, не спасали от одуряющего жара южного солнца. Теперь он со спокойной душой нажал поочередно на все кнопки электропривода стекол, оставив только небольшую щель в своей форточке, – он любил, чтобы звуки снаружи хоть немного проникали внутрь салона.

Затем он попытался рассмотреть аудиосистему, которой был оснащен автомобиль, и в очередной раз поразился роскоши и комфорту этой машины.

Он где-то читал раньше про такую аппаратуру. Кажется, это называлось "класс хай-энд". Система представляла собой настоящий аудиоконкомплекс, не чета каким-нибудь тривиальным магнитолам, предварительный и полный усилители, дека, тюнер, проигрыватель "си-ди" с автоматической сменой десяти Дисков, куча динамиков разной величины по всему салону, которые создавали суперобъемный звук... Говорят, что даже разъемы и контакты в такой системе делаются из золота, а проводка из сверхчистой меди.

Банда, конечно, не мог, особенно на ходу, разобраться во всех этих сложностях и возможностях аппаратуры. Единственное, что сумел он сделать, – нащупать кнопки "Power" на каждом отдельном блоке и все их включить, а потом тискануть на магнитофоне кнопку "Play". Заунывные звуки восточной и очень тоскливой мелодии заполнили кабину, и парень поспешил поменять кассету, поставив что-то старое из "Кино".

Как по заказу – "Группа крови на рукаве..."

Эта песня давно, еще со времен десанта, с восемьдесят седьмого года, когда она только-только появилась, стала его любимой...

...твой порядковый номер на рукаве.

Пожелай мне удачи в бою!

Пожелай мне

Не остаться в этой траве,

Не остаться в этой траве.

Пожелай мне удачи!

Проселочная дорога вывела его на асфальтовое шоссе, и, сориентировавшись, Сашка понял, что вырвался из проклятого района. Теперь его путь лежал прямо к границе, и ничто не смогло бы остановить его. Он добавил газу, и мощный двигатель "паджеро" тут же отозвался, даже на такой, отнюдь не маленькой, скорости заметно прибавив прыти.

Совершенно прямая и пустынная дорога убегала куда-то за горизонт, автомобиль не требовал ни малейшего усилия для управления, и парень незаметно сам для себя погрузился в раздумья и воспоминания.

Музыка только помогала, подталкивала его думы, заставляла их вновь и вновь кружить по лабиринтам памяти...

"...Пожелай мне удачи!"

Как-то так получилось, что всю жизнь ему сопутствовала удача и в то же время он всегда как будто ходил по лезвию бритвы, и если бы эта самая госпожа Удача хоть на секунду отвернулась от него, не было бы сейчас ни самого Сашки, ни его тоскливых воспоминаний...

IV

Он вырос в детдоме и совершенно не помнил ни отца, ни матери...

Однажды, в день его шестнадцатилетия, директор Смоленской школы-интерната номер девять, в которой жил и учился Сашка, Иван Савельевич Парфенов – хороший, душевный мужик – вызвал его вечером для разговора в свой кабинет, закрыл дверь изнутри, уселся за свой стол и кивнул на кресло напротив.

– Садись, Бондарович. Поговорить надо...

Сашка сел, внимательно глядя ему в глаза и стараясь понять, что затеял Иван Савельевич и за какое такое прегрешение ему, Банде, может сейчас перепасть. А директор вдруг встал, прошел к шкафу и неожиданно достал из его необъятных недр, где хранились личные дела всех воспитанников интерната последних лет, бутылку белого болгарского вина – "Златни пясцы", как сейчас помнил Сашка.

– Иван Савельевич... – забормотал тогда вконец растерявшийся пацан, внезапно подумав, что это, видимо, какая-то хитрая провокация, что-то типа испытания на вшивость. Но директор был непреклонен:

– Сядь и не канючь. Слушай.

Он налил по полстакана себе и Сашке и закурил.

– Ты хоть что-нибудь из своего детства помнишь?

– Н-н-е-т... А что?

– Ни отца, ни матери?

– Нет.

– Наверное, пришло время рассказать тебе хоть то, что я знаю...

Иван Савельевич помолчал минутку, затянулся пару раз, будто собираясь с мыслями, и заговорил вновь:

– Твоя мама умерла, когда тебе было три года...

Мы специально никогда не рассказываем воспитанникам об их детстве, пока не вырастут. Сам понимаешь... Еще тосковать начнут, думать. А тут не надо думать. Тут надо воспринимать все так, как есть. Что Бог дал, назад того не заберешишь... Вы жили тут же, в Смоленске. Кстати, недалеко отсюда...

Он шумно отхлебнул из стакана и приказным тоном произнес:

– Пей! Тебе сегодня не только можно, но даже нужно... За твое шестнадцатилетие! За твое совершеннолетие...

Они выпили, и Иван Савельевич продолжал:

– Короче, когда мать умерла, твой отец запил, По-черному, Сашка, пил, про все на свете забыв. А ведь толковый мужик был, инженер, говорят, талантливый. В общем, сгорел твой отец за несколько месяцев. Нашли его мертвым в парке меньше чем через полгода после смерти матери. Ребра поломаны, разрыв селезенки, тяжелая черепно-мозговая травма... Милиция утверждала, что убили его в очередной пьянке. Может, за долг, а может, так просто, из куража...

Сашка почувствовал, как к горлу подкатывает горький комок слез, и поспешил быстрее хлебнуть вина, с горя даже не почувствовав и не разобрав его вкус.

– А тебя бабушка еще до этого забрала, как только отец пить начал... По материнской линии бабушка. Хорошая была женщина, жалела тебя, на свою пенсию ухитрялась одеть-прокормить... Но тебе, Сашка, не везло – буквально в тот же год и она умерла. Старая была...

Иван Савельевич снова налил себе вина и залпом выпил, шумно вздохнув, будто сбрасывая со своих плеч груз непосильной тяжести.

– Вот такие, брат, пироги... Тебя соседи бабушки к нам привели. Ведь ни родни близкой у тебя – никого! Как-то так получилось. В райсобесе с душой отнеслись – на тебя бабушкин дом оформили и даже книжку ее сберегательную, что там от похорон осталось, на тебя переписали. Триста двадцать четыре рубля сорок семь копеек. За эти годы проценты выросли, так что копейка какая-то уже скопилась... За тебя до восемнадцати лет мы, детдом, отвечаем, опекунами твоими стали... Что там с домом – не знаю, много лет прошло. Но через два года ты будешь его хозяином, если только там что осталось...

Сашка был ошарашен всем услышанным; и единственное, что он в этот момент чувствовал – настоятельную потребность уединиться, обдумать все, что рассказал Иван Савельевич. В голове вдруг зашумело от выпитого вина, и пацан немного заплетающимся языком произнес:

– Спасибо, Иван Савельевич, что все рассказали. Я пойду, ладно?

– Иди-иди... Дежурного воспитателя не бойся, все будет хорошо. А пацанам не рассказывай, откуда запах у тебя. Понял? – уже снова превратился Парфенов в строгого, но справедливого директора.

– Да, конечно... – и Сашка выскользнул в коридор...

* * *

Прошло полтора года.

Бондаровича, как лучшего ученика интерната, не только не отправили после восьмого класса в "хобзайню", как называли они между собой ПТУ, но, наоборот, позволили полностью закончить десять классов и даже дали направление в педагогический техникум. Правда, ни поучиться там как следует, ни вступить во владение наследным бабушкиным домом ему так и не удалось – его восемнадцатилетие совпало с осенним призывом в армию.

Он всегда отличался от ровесников статью – и ростом, и шириной плеч, а потому совершенно не удивился, когда в областном военкомате его приписали в команду, отправлявшуюся в учебный десантный полк.

Он даже обрадовался, когда на следующее утро после прибытия в Витебск, в знаменитую учебку, по команде сержантов они переоделись и обтянули свои еще узковатые по-мальчишески груди новыми тельняшками.

Романтика десанта захватила его целиком.

Он с азартом учился складывать парашют и стрелять из автомата, бегать по полосе препятствий и прыгать с парашютной вышки, овладевать азами рукопашного боя и навыками стрельбы из КПВТ или РПГ-7. Он испытал настоящий праздник души во время первого прыжка с самолета, когда парашют еще не раскрылся, и только замирание сердца в груди помогло понять, что ты летишь, а не висишь между небом и землей. А потом рывок – и плавное парение в воздухе, ощущение полета, с которым, наверное, не может сравниться ничто на свете.

Вот только приземлился он в первый раз не совсем удачно – как-то забыл, очарованный кажущейся плавностью спуска, что земля приближается со скоростью пять метров в секунду. Как результат – не правильное приземление и растяжение связки голеностопа, что вылилось в ежедневные наряды по кухне на протяжении полутора недель. Ну в самом деле, что ему, хромоногому, было делать в поле!

Слава Богу, все на нем всегда – тьфу, тьфу! – заживало как на собаке, и уже через пару недель он даже забыл про это досадное происшествие и снова втянулся в напряженный, изматывающий, но чем-то приятный ритм жизни учебки.

Когда ему, единственному из отделения, нацепили лычки сержанта и командир учебного полка объявил перед строем благодарность за отличное овладение воинским мастерством, в душе Бондаровича что-то перевернулось. Он бережно принял голубой берет и чуть позже, в казарме, даже прослезился, любуясь собой в тусклом зеркале умывальника.

А на следующий день его вызвал замполит батальона и стал что-то настойчиво расспрашивать про родных, близких, и только когда убедился, что никого ближе директора Смоленской школы-интерната Ивана Савельевича Парфенова у Бондаровича нет, торжественно объявил:

– Родина и партия доверяют вам, товарищ сержант, ответственное задание. Вы никому не имеете права разглашать место своей будущей службы...

Короче, солдат, – сломалось что-то в интонации политработника, – через три дня ты едешь на юг.

Вопросы есть?

– Никак нет.

– Ну вот и славно!

Майор подошел к нему ближе и потрепал по плечу:

– Смотри там в оба, Бондарович.

– Есть, товарищ майор.

– Вот и хорошо...

– Разрешите идти?

– Идите...

Бондарович не мог понять, что творится у него на душе. Страх? Да вроде нет. Азарт? В какой-то степени. Волнение перед настоящим испытанием?

Вполне возможно. А может, это была тревога перед новым, совершенно неизведанным периодом своей жизни. А еще чувство какого-то дурацкого удовлетворения. Как в том анекдоте про "чувство полного удовлетворения"...

Это был восемьдесят первый год. Все уже знали про Афган, про цинковые гробы и бешеных "духов".

Но ни у кого тогда еще не возникало сомнений в правильности и справедливости этой войны, в благородности и нужности выполнения "интернационального долга". Или, по крайней мере, почти ни у кого...

* * *

...Я б никому

Не хотел ставить ногу на грудь.

Я хотел бы остаться с тобой,

Просто остаться с тобой.

Но высокая в небе звезда

Зовет меня в путь...

Магнитофон пел голосом уже давно погибшего Цоя, "мицубиси" жадно пожирала шоссе километр за километром, а мысли Банды были далеко. Далеко по времени, но – удивительное дело, как его, смоленского парня, снова занесло в эти края! – совсем близко по расстоянию...

* * *

В Афгане ему повезло.

Просто повезло – и точка.

Он попал командиром отделения в ту самую дивизию, которая дислоцировалась когда-то в Витебске и на базе которой функционировала учебка, которую окончил Банда.

Бондаровичу пришлось пережить все, что выпало на долю его подразделения.

Он жил так, как жили и воевали в Афгане все.

Мерзли сутками на горных блокпостах. Лазили за виноградом, а на следующий день оказывалось, что виноградники заминированы. Всклакивали в палатках среди ночи по тревоге, открывая бешеную и беспорядочную стрельбу во все стороны. Выкуривали "духов" из "зеленки" и из аулов, каждую секунду рискуя поймать свою долю свинца из-за очередного дувала. Утюжили гусеницами бээмпэшек и колесами бээрдээмов бесконечные пыльные дороги, по закону подлости нороя почему-то обнаружить мину не тралом впереди идущего танка, а именно гусеницей или колесом своей машины. На дни рождения "пекли" себе торты, смешивая банку сгущенки с несколькими пачками печенья и все это с аппетитом уплетая.

"Черными тюльпанами" отправляли на родину друзей и товарищей, навечно заваренных в цинк...

В общем, жили они, как все в Афгане. И на долю Банды там пришлось не больше и не меньше, чем на долю всех остальных. А вот повезло, может быть, на долю чуть-чуть больше, чем другим, – ни одной царапины не получил он за все полтора года срочной службы.

Наверное, кто-то ему действительно пожелал "удачи в бою"...

* * *

Дембельский приказ будущего гэкачеписта министра обороны Язова Бондарович встретил в звании старшины и на должности замкомвзвода. Но еще за несколько месяцев до этого, переговорив с командованием, он получил добро и обещание всяческой помощи в его желании стать офицером-десантником.

И действительно, приказом командующего дивизией он был откомандирован в Союз, в Рязанское высшее военно-десантное училище, и, так и не успев вкушать сладостей гражданской жизни, буквально через несколько недель старшина Бондарович стал курсантом.

Годы в училище пролетели как один день. Сейчас Сашка даже затруднился бы выделить какой-то главный, действительно весомый эпизод – учеба и тренировки заслоняли все.

Он стал мастером спорта по каратэ. В совершенстве овладел всеми видами вооружения и техники.

Прекрасно изучил все дисциплины и окончил училище великолепно – диплом с отличием, который ему вручили вместе с погонями лейтенанта, действительно был им заработан.

Его друзья-однокашники подшучивали:

– Ну ты даешь! В Афган снова захотел?

Они на полном серьезе предрекали ему, сироте, курсанту без связей и покровителей, место взводного где-нибудь на Кандагаре. Потом, правда, шутить и пророчествовать перестали, почувствовав, что Банда обязательно получит красный диплом.

И каково же было их удивление, когда на распределении обладатель этого заветного для многих диплома, отличник боевой и политической подготовки, который мог, в принципе, попроситься даже в группу советских войск в Германии, благо было пять вакансий, твердо заявил, что был бы благодарен, если бы ему дали возможность снова вернуться в Афган...

* * *

Бондарович поменял кассету, и теперь ему попался снова Цой, но только его последний, вышедший уже после смерти альбом – "Черный".

А мне приснилось

Миром правит любовь...

А мне приснилось

Миром правит мечта...

И над этим прекрасно горит звезда...

Я проснулся и понял – беда...

* * *

В положенный ему отпуск Бондарович съездил в Смоленск, зашел в свою девятую школу-интернат, выпил бутылку водки с Иваном Савельевичем, постоял с улыбкой у стенда "Наши выпускники", где его фотография занимала самый почетный, верхний левый угол, выступил с довольно сумбурными и очень мужественными рассказами в нескольких классах и... отправился на вокзал. В Москву.

В столице он прожил неделю.

Обошел почти все музеи, сходил на ВДНХ и в Мавзолей, каждый вечер просиживал в ресторанах, честно пропивая нащелкавшую на сберкнижке тысячу, и в конце концов понял, что эта мирная гражданская жизнь – не для него.

И тогда по воинскому требованию он взял билет до Ташкента, даже не догуляв отпуск...

В штабе армии, конечно, сильно удивились его досрочному прибытию, а потом, изучив сопроводительные документы, определили в самое "веселое" место – командиром разведвзвода десантно-штурмовой бригады.

Вот здесь-то Банда, что называется, хлебнул всего-всего под самую завязку. Он думал, ему на всю оставшуюся жизнь (если только будет она, жизнь) хватит...

* * *

Наконец-то ему попался хоть один, пусть и покосившийся от старости, дорожный указатель, и Банда понял, на какую трассу он выскочил. Это действительно была дорога к границе, и Айни уже давно остался позади. Но впереди его еще ждал Пенджикент, маленький вонючий городишко, от властей которого всего можно было ожидать, и он свернул на обочину, чтобы подготовиться как следует к любым неожиданностям.

Заглушив двигатель и выключив магнитолу, он оказался во власти полной тишины и внезапно почувствовал, что ужасно проголодался. Вскрыв штык-ножом банку тушенки, Сашка начал торопливо, почти не прожевывая, заглатывать куски мяса, одновременно пытаясь систематизировать свой арсенал.

Первым делом Банда осмотрел "вальтер", который он вытащил у Ахмета. "Пушка" действительно впечатляла. Пистолет поражал не только своей мощностью, он был и красив. Тяжелый, никелированный, с аккуратным клеймом на левой стороне "P88", фирменным знаком и указанием калибра патронов, он сам, казалось, нежно ложился в руку, умоляя хозяина проверить его боевые качества.

Сашка засунул ложку в банку, освобождая себе обе руки, и извлек обойму. Она показалась ему непривычно толстой и тяжелой. Парень принялся разряжать магазин, отщелкивая патроны себе на сдвинутые колени, и вдруг сделал замечательное открытие – емкость обоймы составляла пятнадцать патронов. Пятнадцать раз можно было пальнуть из этой штуки, не перезаряжая ее! Теперь Банда откровенно пожалел, что взял только одну пачку патронов к этой игрушке. Подобрать, в случае чего, боеприпасы такого калибра будет, видимо, непросто.

Он снова снарядил магазин, вставил его в пистолет и засунул "вальтер" за пояс сзади, чтобы "пушка" не мешала вести машину, как вдруг услышал нарастающий шум движущейся автомашины.

Сашка вздрогнул и нервно обернулся. "Жигуленок" летел как-то уж подозрительно быстро.

"Ну вот и началось!" – мелькнуло в голове у парня, но раздумывать над вновь создавшейся ситуацией времени не оставалось. Он действовал чисто автоматически: чуть приоткрыл

дверцу машины, чтобы не возиться в самый решительный момент с замком, взял с сиденья автомат, проверив патроны в магазине, передернул затвор и приготовил парочку гранат. Теперь он готов был в случае необходимости "поговорить" с неожиданными визитерами.

"Жигуленок" тем временем сбросил скорость и плавно притормозил возле "мицубиси".

– Эй, друг, – высунулась из форточки бородастая рожа азиата, – что, ишак ехать не хочет? В машине дружно заржали над не слишком удачной остротой бородача.

– Нет, все нормально, – Сашка постарался не выдать голосом того напряжения, в котором держали его незваные гости.

– Если надо что, давай поможем. Не стесняйся, дорогой, скажи!

– Нет, спасибо...

– Ну как хочешь, друг...

– До города далеко еще?

– Ты что! Полчаса ехать только!

– Спасибо.

– Да не за что!

И машина с таджиками покатила дальше.

Сашка перевел дух и вытер со лба испарину.

"Пронесло!"

Он отложил "калашник" на сиденье и снова занялся ревизией добытого оружия.

"Смит – Вессон" сорок пятого калибра с лазерным оптическим прицелом всем своим видом внушал уважение, и Сашка достал магазин из рукоятки, желая разобраться, какому нашему калибру отвечает этот американский стандарт. У него прямо дух захватило – пуля из этого пистолета могла запросто сделать дырку в черепе диаметром одиннадцать миллиметров!

Не менее понравилась ему и итальянская штучка – "беретта". Пистолет вроде бы ничем особенным и не отличался – ни калибром, ни емкостью обоймы, но радовала глаз безупречная дизайнерская работа итальянских оружейников, восхищала спокойная тяжесть этого пистолета.

Не рассматривал Банда только пистолеты Макарова. Наскоро проверив наличие патронов, он быстро спрятал эти два экземпляра советской оружейной мысли в бардачок "паджеро" – туда, где решил складировать свои пистолеты.

Три добытых автомата Калашникова Банда старательно зарядил, смотал кстати подвернувшейся под руку в бардачке изолентой их магазины по афганскому образцу и спрятал под заднее сиденье.

Только теперь взялся он за "узи". Легенды, которые ходили про этот пистолет-пулемет, давно бередили его воображение. Еще в училище они мечтали хоть разок опробовать эту скорострелку. И вот эта возможность вроде бы ему представилась.

Ему достался "микро-узи" – супермаленький собрат из всей серии "узи". Банда еще со времен учебы помнил, что небольшой, всего на двадцать патронов, магазин этой модели опустошался при стрельбе очередями буквально за секунду. Невозможно было даже представить себе, что этот лилипут может сотворить двадцать дырок в человеке, а человек за это время не успеет и маму позвать на помощь.

Сашка прочитал на боку автомата "Made in Belgium" и обрадовался вдвойне – израильской продукции он втайне всегда почему-то до конца не доверял, и теперь ему было приятно, что его автомат – европейский. Он еще разок проверил магазин и, сняв куртку, приладил наплечную кобуру автомата у себя под мышкой, вложив туда грозное оружие.

Затем наскоро пересчитал патроны и гранаты и пришел к выводу, что с легкостью может принять бой хоть с втрое превосходящими силами противника.

Банда засунул пару фанат и магазинов к "узи" в нагрудные карманы куртки, выложил на сиденье рядом со своим АКСУ три сдвоенных магазина и парочку гранат и, включив музыку, снова завел двигатель.

Теперь – только вперед...

* * *

*Нам с тобой
голубых небес навес.
Нам с тобой
станет лес глухой стеной.
Нам с тобой
из заплыванных колодез не пить.
План такой
нам с тобой...*

...Это было под Кандагаром, когда Банда служил уже командиром разведвзвода.

В то проклятое утро их роту отправили в дозор, за километр, на расстоянии видимости, от основной колонны техники. Всю ночь перед этим они пили, Пили страшно, по-черному, как говорится, не ожидая каких-либо новых приказаний, ведь только накануне вернулись с поста в горах на подступах к городу.

Погода была великолепная, видимость отличная, место в принципе спокойное, совсем рядом от города, и они, расслабленные после тяжелой ночи, ехали с комроты, Витькой Дербеневым, на броне, свесив ноги в люки машины. Бэтээры резво бежали по разбитой дороге, и только боковой ветер спасал офицеров от тучи пыли, что поднимал впереди идущий бронетранспортер.

Они переговаривались, стараясь перекричать рев двигателей, и ни малейшего внимания не обращали на "зеленку", тянущуюся вдоль правой обочины дороги. Близость больших сил своих и неимоверное количество выпитой водки сделали свое дело – безопасности их и невнимательности не было границ.

В другой раз они бы обязательно заметили что-то неладное. Они оба немало времени провели в Афгане, не раз попадали в самые крутые переделки, прошли тысячи дозоров, чтобы чувствовать кожей, подкоркой сознания присутствие "духов". В этот раз подкорка отказала...

Все случилось почти мгновенно.

Раздался мощный взрыв, и передний бэтээр встал как вкопанный, страшно завыв своими двигателями.

"Мина!"

Сашка не помнил, успел он это крикнуть или только подумал, как тут же прогремел второй взрыв, и передняя машина оказалась в огне. Одновременно что-то мягкое и теплое плюхнулось лейтенанту Бондаровичу на лицо, на грудь.

Его водитель резко затормозил, и Банда буквально слетел в люк, во все горло ревя: – Засада! Назад! Вправо по "зеленке" – огонь!

Гулко застучал КПВТ в башенке бэтэера, слились в общем грохоте очереди пулеметов и автоматов из бойниц. Сашка кинулся к триплексу, пытаясь рассмотреть, что стало с передней машиной, но спасать там уже явно было некого – бэтээр был пробит, видимо, кумулятивной гранатой, и шансы спастись оттуда были равны нулю.

Банда оглянулся на ротного – "чего молчишь?" – и онемел: вместо Витьки в люк упал залитый кровью труп, у которого совершенно не было головы.

Из воротника куртки торчали ошметки мяса и, – он даже сейчас вздрогнул, вспомнив то зрелище! – зубы нижней челюсти.

То ли разрывной пулей, то ли осколком Дербеневу начисто снесло голову. Как будто и не было Витьки...

Отстреливаясь, они за считанные минуты пронеслись по дороге назад, к своим.

Банда выскочил из бэтэра, остановившегося на полном лету около командной машины, и бросился к командиру батальона на доклад:

- Товарищ подполковник...
- лейтенант, я все понял. Помойтесь.
- Товарищ под...
- Умойся, Саша!

Только сейчас Банда уловил какое-то странное выражение в глазах подполковника. Некоторое время он никак не мог понять, что же оно означало. И вдруг почувствовал, что командир смотрит на него... с ужасом. Да-да, немой животный ужас застыл в глазах бравого боевого офицера.

Банда, ничего не понимая, отошел в сторону, и тут к нему подбежал сержант Савельев, командир отделения.

– Товарищ лейтенант, пойдете... У нас там вода есть.

– Чего вы ко мне все дободались? Какого тебе-то хрена надо? – закричал в сердцах Банда на сержанта, не врубаясь во внезапную причину столь пристального внимания к своей внешности. – Чего надо, спрашиваю?

– Кровь у вас, товарищ лейтенант...

– Где?

Сашка быстро взглянул себе на грудь, и его чуть не стошнило. Бронежилет, хэбэшка, ремень – все было в свежей, блестящей на солнце крови. А на плече, на воротнике белели студенистые, вздрагивающие от любого движения мозги и застрявшие в них осколки костей.

"Витьки!" – сразу понял он.

– Твою мать, – громко, не сдерживаясь, в сердцах выругался Банда.

Больше времени терять было нельзя, он наскоро помыл лицо под тоненькой струйкой воды из фляжки Савельева, смахнул с обмундирования то, что осталось от головы Дербенева, и снова вскочил в бэтэр, бросившись догонять ушедшую вперед колонну...

А вечером в лагере, снимая "лифчик" и бронежилет, пропитавшиеся кровью друга, снова почувствовал, как терпкий ком подкатил к самому горлу, заставляя сжиматься желудок противными спазмами, – в складках его хэбэ, под бронежилетом, придавленный "лифчиком", целый день пролежал вытекший, похожий на мокрую выцветшую тряпочку глаз Витьки...

Этот запах – запах крови, мозгов, запах внутренностей человеческих, густо-густо замешанный на запахе водочного перегара, преследовал Банду несколько недель. Он не мог спокойно есть. Не мог без отвращения одевать свое, уже давным-давно отстиранное обмундирование, не мог сидеть в бэтэре, на броне которого убили капитана Дербенева.

И он совсем не мог пить.

Когда вечером того же дня офицеры их батальона собрались в фургончике, раскупорили водку, чтобы помянуть Витьку, и Банда взял в руки до краев наполненный "Малиновский" стакан, запах водки так резко ударил ему в нос, так живо напомнил запах смерти и перегара, что он не выдержал – его вырвало сразу же. Рвало долго, судорожно, рвало тогда, когда рвать уже было совершенно нечем.

С того дня несколько месяцев не мог Банда пить ничего крепче сухого вина...

* * *

Солнце мое, взгляни на меня!

Моя ладонь превратилась в кулак.

И если есть порох – дай огня.

Вот так!..

Через Пенджикент он пролетел мигом, почти не сбрасывая скорости на его узких и пыльных, совершенно пустых сейчас, в жаркий полдень, улочках.

Ни одной милицейской или военной машины. Ни одного подозрительного движения на крышах домов или непонятого скопления людей Банда не заметил, и это обстоятельство его сильно обрадовало, – возможно, бандиты еще не засекли его, и тогда у Сашки появлялись весьма неплохие шансы вырваться из Таджикистана, а тогда – ищи ветра в поле. По крайней мере, надежд на спасение пересечение границы прибавило бы здорово...

Он вылетел из города, прибавил еще газу и, вытащив зубами сигарету из пачки, совершенно расслабившись, закурил.

До границы, по его расчетам, оставалось километров двадцать пять. Дорога, бежавшая вдоль петлявшего справа Зеравшана, была, конечно, не западногерманским автобаном – извилистая, разбитая, наполовину занесенная песком, пылью, мелкими камнями. Но для его "мицубиси" такая трасса была не испытанием – развлечением, и Сашка представлял, как минут через пятнадцать-двадцать окажется уже в Узбекистане.

Он, наверное, уж слишком расслабился, потому что эскорт, появившийся сзади в клубах пыли, поднимаемой его "паджеро", заметил слишком поздно.

Две машины, марки которых в тучах поднятой пыли и в дрожащем зеркале заднего вида Банда совершенно не мог различить, неслись со слишком большой для обыкновенных лихачей скоростью, и парень сразу понял: это за ним.

Сомнений не осталось, когда в передней, белой, которая оказалась открытой, за ветровым стеклом встал автоматчик и открыл огонь. Пули не задели джип Банды, но очереди гулким эхом разнеслись над долиной, отраженные скалами и горами.

На секунду тот боевик исчез, а когда появился снова, в руках он держал что-то громоздкое. Банда никак не мог разглядеть, что это, но, впрочем, особо и не старался, пытаясь выжать из машины все, на что она была способна, и пристально следя за этой идиотской извилистой дорогой.

Яркая вспышка сзади и близкий взрыв заставили и водителя джипа, и машину подпрыгнуть – Сашку от неожиданности, а "паджеро" здорово потрянуло взрывной волной.

– "Муха"! – догадался Банда, сразу же вспомнив этот чертов ручной противотанковый гранатомет, доставлявший немало хлопот в Афгане. – Вашу мать, суки!

Он еще сильнее "пришпорил" машину и с радостью убедился, что джип абсолютно ему послушен.

"Значит, пока не зацепили!"

Его тачка была, видимо, все-таки поновее или помощнее, чем у его преследователей, и дистанция между ними начала потихоньку расти. Сашка понимал, что оторваться полностью надежды нет, а впереди его обязательно будет ждать засада. Может быть, уже даже вот за тем поворотом, скрытым за скалой.

Банда лихорадочно соображал, что делать дальше.

Расстояние между машинами метров четыреста.

Этого хватит, если ему немножко повезет...

– Ну, чурки, повоюем! – план возник сразу, если он и был авантюрным. Банда знал, что это – единственный выход.

За этим поворотом засады еще не было. И это стало его первой удачей.

Как только Банда обогнул скалу и скрылся из глаз преследователей, он резко нажал на тормоза, одновременно распахивая дверцу и рванув на себя рычаг ручного тормоза. Заскрипев по асфальту своими широченными шинами, джип остановился как вкопанный, пропахав юзом кривые борозды в этом подобии дороги и все-таки удержавшись на ней.

Ему повезло во второй раз.

В этот момент Сашки в машине уже не было, – схватив с сиденья свой автомат, он лежал на обочине, широко расставив ноги, лоя в прицел точку возможного появления первой машины и глубоко дыша, чтобы восстановить дыхание ради более точной стрельбы.

Как только белая машина выскочила из-за поворота, Сашка дал короткую прицельную очередь по ветровому стеклу, стараясь принять как можно точнее в сторону водителя. Еще очередь, еще... Стекло посыпалось, разбитое вдребезги, как раз в самой крутой точке поворота, как и рассчитывал Сашка.

Это была третья, решительная удача.

Он не знал, убил водителя, или же тот просто испугался, судорожно нажав на тормоза, но машина резко сбавила ход, и ее по инерции понесло прочь с дороги, к реке. Сашка, не останавливаясь, лупил и лупил короткими очередями, с расстояния примерно в сто метров буквально расстреливая машину и ее пассажиров. Все произошло мгновенно, и не успел он и шести раз нажать на спусковой крючок, как из-за поворота выскочила вторая машина. Ее водитель, видимо, даже не успел понять, что же произошло, и со всего разгона влетел в зад белого автомобиля.

Это была последняя удача.

Удар.

Взрыв.

В воздух взлетели куски металла, обрывки ткани и человеческих тел, и два горящих факела, кувыркаясь и подпрыгивая, кубарем покатались по пологому берегу к реке.

Сашка встал и направился к "мицубиси", даже не оглядываясь на то, что осталось от его преследователей. Никто бы не смог спастись из этого дьявольского костра.

Банда сел за руль, снова дополнил магазин патронами и передернул затвор автомата, поставив его на боевой взвод и не беря на предохранитель.

Приключения в Таджикистане для него еще вряд ли закончились. Теперь впереди его ждала граница. А на границе, а может быть, чуть раньше – засада...

* * *

Где же ты теперь

воля вольная?

С кем же ты сейчас

ласковый рассвет встречаешь?

Ответь!

Хорошо с тобой

да плохо без тебя.

Голову да плечи терпеливые

под плетью. Под плетью...

После того-случая с Витькой Дербеневым Банда изменился.

Раньше он воевал старательно, с азартом, но осторожно, не подставляя под пули и мины "духов" ни себя, ни своих подчиненных. Теперь его будто подменили.

Нет, свой взвод он берег и ни разу не заставил своих ребят лезть напролом через кишлак или беспечно переться вдоль "зеленки", полагаясь на извечное авось.

Но сам он стал как одержимый.

Спуску теперь он не давал ни "духам", ни своим "Духам" мстил за каждого убитого, за каждого раненого и покалеченного, за каждый выстрел и каждую мину. Он лазил по горам как кошка, видел; в темноте не хуже тигра, а стрелял как бог. И не раз и не два в одиночку подни-

мался он во встречную атаку, когда несколько раз полевые командиры моджахедов пытались ночью взять его блокпост штурмом.

Ловко увертываясь от выстрелов и прячась за первые попавшиеся камни, лейтенант Банда заходил с фланга на атакующего врага и в одиночку гранатами поднимал такой шум, каждым точным попаданием в цель такую суматоху среди "духов", что они немедленно обращались в поспешное бегство.

Несколько раз его наказывали по службе при "разборке ночных полетов". Несколько раз комбат по-отечески журил его, предрекая, что рано или поздно парень обязательно нарвется на снайпера с ночным прицелом.

Но столько же раз его представляли и к наградам, и буквально через год грудь теперь уже ротного старшего лейтенанта Бондаровича украшали два ордена Красной Звезды и "За службу в Вооруженных Силах".

Солдаты буквально балдели от своего командира, а новички, встречаясь с однокашниками по термезскому карантину, с гордостью травили байки про своего старлея Банду. Кстати, кличка эта закрепилась за ним не только среди офицеров, но и среди солдат, и он совершенно не обижался, когда в бою какой-нибудь молокосос рядовой истошно вопил:

– Банда, слева прикрой!

Но так же, как "духам", не спускал он ничего и своим ребятам.

Он не прощал не только нарушения боевого устава и своих команд. Он не прощал малейшего отступления от того морального идеала, которому должен был, по его представлению, отвечать "воин-интернационалист".

Однажды на блокпосту неподалеку от Кандагара, в горах, где по склонам густо рассеялись кишлаки и крестьяне чуть ли не толпами ходили по дороге мимо обложенного мешками с песком укрепления советских солдат, произошел случай, который мог обернуться весьма большими неприятностями и для самого Банды...

Стоял жаркий июньский день, и блокпост тихо дремал, утомленный коротким ночным боем с невесть откуда взявшимся маленьким отрядом "духов".

Банда и сам расслабился. Они до одури играли со взводными в карты, где ставкой неизменно служили бумажки в десять внешпосылторговских чеков, которые с удивительным постоянством кочевали из одного кармана в другой, не желая, видимо, нигде надолго задерживаться.

Сашка почувствовал, что от чередования бесконечных "прикупов", "хвалей" и "пасов" голова его начинает раскалываться и протяжно гудеть, угрожая полным отказом в работоспособности, а потому старший лейтенант бросил наконец карты и вышел из офицерского укрытия во внутренний дворик блокпоста, чтобы хоть чуточку проветриться.

Он закурил, подошел к укрепленной внешней стене их заставы и, привалившись спиной к мешкам с песком, замер, запрокинув голову, разглядывая сначала небо, а потом склоны гор и кишлак, что раскинулся километрах в трех от их укрепленной точки на берегу быстрого ручья.

"Хорошо-то как!" – Банда чуть не произнес это в полный голос.

За эти проклятые месяцы он совершенно разучился смотреть на окружающую природу как на красивый экзотический пейзаж, рассматривая эти горы, ложбины, перевалы и ущелья исключительно как плацдарм для боевых действий.

Вот и сейчас он поначалу поймал себя на мысли, что занимается элементарной рекогносцировкой, оценивая позицию их блокпоста с точки зрения военной науки: на предмет доминирования над местностью, просматриваемости подступов, открытости секторов обстрела и привязки линий огня, неуничтожимости во время предполагаемого боя основных ориентиров на местности... Но ведь он хотел другого! А потому безжалостно выбросил всю эту дребедень из головы, насильно заставил себя посмотреть вокруг иными глазами – и вдруг... увидел.

Старлей увидел синее-синее небо над головой, прозрачность и бесконечность которого поражали воображение. Отсюда, с высоты, которую занимал блокпост, линия горизонта казалась неимоверно далекой, и только с юга ее приближали еще более высоко вздымавшиеся горы.

Может быть, впервые не выискивая за камнями или в кустах огневой точки "духов", Сашка обвел взглядом зеленые склоны, пыльную извилистую дорогу, пробежавшую мимо их заставы и исчезающую в кишлаке, желто-красно-серые глиняные хибарки афганцев, похожие отсюда на спичечные коробки, в беспорядке разбросанные по земле и уж с совершенно невыносимой для европейского глаза хаотичностью прилепившиеся друг к другу.

Спокойствие, безмятежность пейзажа, тишина, неподвижно повисшая в жарком южном воздухе, были так красноречивы, так величественны, что совершенно невозможно было поверить в то, что в этой чужой стране, на этой прекрасной земле идет война, рвутся ракеты и снаряды, мины и гранаты, кромсая живое тело земли. И каждую секунду ты и твои товарищи ходят по этой земле, что называется, под Господом, рискуя в любой момент отправиться туда, на это безмолвное и бездонное небо...

Банда встрепенулся, отгоняя подальше остатки лирики, затоптал сигарету и хотел было снова потащиться к брошенным картам, как вдруг услышал странный шум, доносившийся из блиндажа первого взвода. Впечатление было такое, что там идет то ли драка, то ли цирковое представление: крики, ржание, гогот, улюлюканье, периодически слышался грохот падающих ящиков, какая-то совершенно непонятная возня.

– Опять надолбаясь, скоты! – в сердцах сплюнул Сашка, направляясь к блиндажу. – Небось теперь снова "молодых" жизни учат...

Ни для кого из боевых офицеров не было секретом, что больше половины личного состава долбится, ширяется и всяческими иными способами ловит кайф, то есть, выражаясь человеческим языком, употребляет анашу, героин и самые разнообразные транквилизаторы. Случалось, и в бой ребята шли с расширенными от "травки" зрачками, не боясь ни черта, ни дьявола и круша все, что ни попадя на своем пути. А зачастую совершенно глупо и бессмысленно погибали, подставляя под пули свои молодые и безрассудные стриженные головы.

Ловить, запрещать или наказывать их было бесполезно – "косяки" ходили по рукам почти легально, и даже в гарнизоне на гауптвахте, в камере, при случае с легкостью можно было "отъехать", купив по абсолютно приемлемой цене нужную дозу прямо у караульного.

Командиры пытались, конечно, как-то влиять на солдат, но, видя тщетность этих попыток, старались добиться хотя бы одного – полной трезвости и ясности мысли у постовых и караульных. Это, в принципе, удавалось – здесь, в Афгане, слишком многое зависело от того, кто и в каком состоянии охраняет склад или покой своих товарищей. Вот где уж воистину ставка была больше, чем жизнь!

Потому как ставкой становилось сразу множество жизней.

Но с другой стороны, многие офицеры и сами были не прочь "забить" "косяк" – другой, особенно перед рейдом или маршем. Что ни говори, а перегрузки "травка" снимать помогала очень даже эффективно.

Сам Сашка никогда не позволял себе такой вольности – воевать под кайфом, но не мог осуждать за чертово пристрастие своих товарищей. А потому сейчас Банда шел к блиндажу лишь только затем, чтобы приструнить особо буйных и разгулявшихся – снизить, так сказать, накал страстей среди личного состава вверенного ему подразделения.

И вдруг у самого входа, когда Сашка уже даже согнулся перед низкой притолокой, ему почудилось, что изнутри донесся женский вскрик, тут же резко оборвавшийся, а затем раздалось жалобное хрипение, перебиваемое стонами.

Сашка рывком распахнул дверь.

Посреди блиндажа на ящиках из-под гранат лежала афганка, беспомощно тараща на Банду огромные черные глазищи. Ее платье было разорвано, и высоко поднятые ноги жутко

белели в полумраке помещения. Двое "молодых" держали ее за ноги, еще двое зажали руки. Дембель по кличке Груша, вытащив из ширинки свой член, насильно стоя, тиская груди, которые мерно качались от каждого движения взад-вперед, а еще кто-то. Банда в темноте даже не успел толком разглядеть, кто именно, получал кайф, засовывая свой хреновый отросток девчонке прямо в рот, раздирая ее губы руками.

Бешеная ярость мгновенно захлестнула Банду.

Прямым ударом левой ноги под ребра он отбросил от девчонки того "молодого", что держал ее ногу, ребром ладони треснул по шее второго, вцепившегося в ее руку, и, вырубив его, сильно, с разворота, ударом кованого сапога в грудь отшвырнул к дальней стене блиндажа любителя орального секса.

От неожиданности и испуга двое других "держателя" выпустили несчастную афганку, и она с визгом свалилась с ящиков на землю.

Разъяренный таким резким обломом и перевозбужденный "травкой", Груша с ревом бросился на командира, размахивая своими громадными кулачищами. Банда действовал круто, без жалости, что называется, на поражение. Чуть отступив, уклоняясь от удара, он перехватил руку Груши у запястья, резко вывернул ее и, повернувшись на сто восемьдесят градусов, крутанул ее изо всех сил. Дембель взвыл от боли, а его рука, полностью вывихнутая из плечевого сустава, бессильно повисла плетью. Не давая ему опомниться. Банда, ни на мгновение не останавливаясь, заехал ногой с размаху прямо по еще задорно торчавшему достоинству Груши, и когда тот согнулся пополам от выворачивающей наизнанку боли, вырубил его, с силой, двумя руками съездив по шее.

– Козлы вонючие! – завопил Банда в мгновенно наступившей в блиндаже тишине. – Охренели, гляжу, вконец! Вы, суки, чего удумали? Жить надоело? Да за нее вас "духи" всех до последнего вырежут!..

Он повернулся к с трудом поднявшемуся и пытавшемуся теперь застегнуть ширинку кадру, который мечтал получить райское наслаждение во рту девушки.

Теперь Банда разглядел его.

– Савельев, бля!

"Эти дембеля меня доконают!"

– Ты что, долболоб, на дизель или на зону захотел? Мало тебе два года Афгана было?! Я тебе устрою! Тебя мама еще долго не увидит!..

Банда обернулся к притихшим бойцам.

– Кто держал? Выйти сюда, – ткнул он, пальцем в пол перед собой.

Несмело, переминаясь с ноги на ногу и боясь поднять глаза, выползли на середину блиндажа четыре придурка, только-только попавшие в Афган.

Они-то и должны были сменить в этом взводе увольнявшихся Грушевского и Савельева.

– Долболобы! Вы хоть понимаете, что вам за групповуху органы отвесят? Рэмбо! Сильными себя почувствовали, целым взводом бабу завалили. Что, с воли давно приехали? По девушкам успели соскучиться?

– Товарищ... – попытался провякать кто-то из них, подымая на Банду свои виноватые глазенки.

– Заткнись!

Банда еле удержался, чтобы в кровь не изметелить эти тупорылые морды.

– Анушидзе! – позвал Бондарович командира второго отделения, шустрого расторопного грузина, на которого всегда можно было положиться.

– Я!

– Грушевскому прибинтовать руку к телу, самого связать и положить на лежак до прибытия на смену третьего взвода. Старшего сержанта Савельева разоружить, забрать ремни, шнурки и посадить под замок в каптерке. Назначить караул по его охране. С этих гусей, – Банда

кивнул на четверых "держателей", – глаз не спускать. Оружие пока забрать, выдать только в случае нападения "духов".

Он посмотрел на девушку, сидящую на земле за ящиками, сжавшуюся в комок и тихо плакавшую от боли, страха и унижения.

– Ей дашь пока бушлат прикрыться – и к нам, в наше укрытие. Платье ее должно быть зашито – и старательно зашито! – силами этих придурков, – он снова кивнул на четверку, – через пятнадцать минут. Вопросы?

– Никак нет!

Старлей постоял еще несколько минут, вглядываясь в лица своих притихших бойцов. Ребята не могли выдержать его взгляда и поочередно опускали глаза, натываясь на холодный и презрительный блеск в зрачках своего командира.

– Придурки! Скоты вы, вашу мать! Что ли у кого ни мозгов, ни совести нету? Никому противно не стало? Бабу – всем взводом! Гиганты сопливые...

Тьфу! – он с горечью сплюнул себе под ноги. – Глаза б мои вас не видели!..

Резко повернувшись, он вышел на солнце и жадно закурил, стараясь хоть немного успокоиться.

Да, хлопцы, конечно же, устали. Хлебнули всего-всего. Тот же Груша или тот же Савелий два года, от звонка до звонка, прослужили в Афгане. Савельев награжден орденом Красной Звезды, медалью "За отвагу". Два ранения, одно из них из разряда тяжелых. И Грушевский свою "За отвагу" надраил уже, чтобы на дембельский китель повесить...

Да, много хороших ребят, их друзей, отправилось уже на родину в "черных тюльпанах", кто подстреленный в патрулях на улицах Кабула, кто взорвавшийся на mine, ловко замаскированной в легкой мелкой пыли горных дорог, кто сгоревший заживо на глазах товарищей в пылающих бэтэрах...

Да, всем им надоело все это до чертей зеленых.

И психика у них у всех уже сдвинутая, и нервы никудышные, и ненависти к проклятым "духам" хоть отбавляй...

Но так подло насиловать девку!.. За что?! Она-то в чем виновата?..

И главное – что дальше-то делать?

В соседнем полку, поговаривают, был такой случай: оттрахали бабу из кишлака всем взводом, а потом добились и похоронили, чтобы афганцы про то никогда не прознали... Но это ведь только поговаривают, а как там на самом деле было – один Аллах знает. Может, его парни тоже от главного свидетеля подобным же образом избавиться хотели?

Во двор вывели афганку. Платье на ней уже было в порядке, сама она немного успокоилась, и только ее красные заплаканные глаза выдавали то, что с ней только что приключилось.

Здесь, во дворе, на свету Бандя рассмотрел, что она была уже далеко не девушкой – на вид ей можно было дать даже лет тридцать пять. Это обстоятельство почему-то немного успокоило старшего лейтенанта.

Он отвел ее к себе и усадил за стол, где взводные все еще резались в свою бесконечную "тысячу".

– А елки-палки! Сашка, это что за явление? – даже привстал от удивления Востряков, командир первого взвода, бойцы которого и натворили, кстати, все эти страсти.

– Твои орлы постарались – тринды им, видишь ли, сильно захотелось. Изнасиловали ее всем взводом.

– Ты что, правда, что ли?

– Я там Грушу немного покалечил. И Савельев под арестом. Сдам, на хрен, в прокуратуру, пусть получают свое под завязку, кони страшные. – Бондарович уже почти успокоился, и своей категоричностью и напускной жесткостью сам себе пытался добавить решительности.

– А е-мое!..

В помещении повисла тяжелая гнетущая тишина. Каждый из офицеров хорошо понимал, в какую паршивую историю они все теперь влипли.

От военных следователей хорошего не жди. Затаскают на допросы, на снятие показаний. Затребуют кучу справок, документов, рапортов. Вынесут какое-нибудь частное определение о неполном служебном соответствии и разгильдяйстве, которые проявились в недостаточном контроле над вверенным подразделением...

С другой стороны, "духи", если прознают про этот случай, взлютуются. Кишлак сразу же перестанет быть "замиренным". Сами "хадовцы", союзнички, так сказать, в злейших врагов превратятся.

Блокпост этот самым проклятым местом станет – ни одного дня покоя не будет.

Опять же – за дела такие от начальства благодарности не жди. Мало того, что органы затрахают, так все поощрения, представления, отпуска – все медным тазом для них накроется...

Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Банда выставил на стол бутылку водки, вскрыл штык-ножом банку говяжьей тушенки, подвинул ее поближе к женщине, положив рядом ложку, и повернул жестянку этикеткой с изображением головы коровы к неожиданной гостье.

– Ешь! Это не свинина, вам, мусульманам, можно, – Бондарович сказал фразу ласково, чтобы она поняла его хотя бы по интонациям голоса.

Затем налил водку в стакан и тоже пододвинул к афганке, но та в ужасе протестующе замахала руками.

– А, елки, забыл! Этого-то продукта тебе твой Аллах не позволяет, – с досады старлей одним махом вылил водку на пол, к общему неудовольствию взводных, дружно потянувших носами запах вылитой жидкости.

– Сашка, на хрена?!

Но Банда только отмахнулся от них.

Женщина несмело взяла ложку, и Бондарович ободряюще ей улыбнулся.

– Ты ешь-ешь, не бойся! Потом ложись, отдохни, – он кивнул на свою койку, знаками, закрыв глаза и ненатурально захрапев, показывая, чего от нее хочет. Затем повернулся к взводным:

– Пошли, пройдемся.

Офицеры поднялись и потянулись к выходу.

– Петр, – остановил Сашка командира второго взвода, лейтенанта Акулика, – ты посиди здесь, с ней, ладно? Поговори с ней спокойно, чтобы не нервничала, не боялась. Постарайся не выпускать ее пока. Пусть успокоится. Я кое-что придумал – так вдруг получится...

– Конечно, посижу. А вы куда?

– Да пойдем с архаровцами востряковскими разбираться. Надо же что-то делать.

Они с Востряковым направились к блиндажу.

У дверей каптерки с автоматом на плече, охраняя Савельева, маячил кто-то из новобранцев. Сашка про себя посетовал, что никак не может запомнить их имена, а ведь ребята уже по неделе в его роте. Ну ничего, в первом же нормальном бою все запомнится само собой.

Они вошли в блиндаж, всматриваясь в его холодную темноту – сразу с солнца разглядеть здесь что-либо в подробностях было невозможно. Наконец увидели – в самом углу, на почетном дембельском месте, лежал, скорбно прикрыв глаза, связанный Грушевский.

– Во, погляди на своего героя, – кивнул Банда на Грушу, обращаясь к Вострякову. – Додумался твой горный орел – на командира с кулаками бросился. Бабу я ему, видите ли, поиметь помешал...

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите обратиться! – мигом открыл Груша глаза и попытался, несмотря на связанные ноги, по-уставному вскочить при появлении командира. Но острая боль, в плече снова отбросила его голову на подушку, и Груша, не удержавшись, даже застонал.

– Помолчите, товарищ сержант! – с подчеркнутой строгостью прервал его Бондарович. – Не о чем мне с тобой теперь разговаривать... Анушидзе, развяжи-ка его!

Когда Грушу развязали и освободили туго прибинтованную к телу руку, Банда сел рядом с ним на лежанке, чтобы разобраться с травмой. Плечо уже опухло, и куртку с Груши совместными усилиями стянули с большим трудом.

Старлей принялся умело, с пониманием, ощупывать плечо и предплечье сержанта.

– Где болит? Здесь?

– Ага, – чуть не взвыл от боли Груша, ежась под жесткими пальцами Банды.

Тот сосредоточенно тискал руку сержанта.

– А хрен я тебе не полностью отбил? Шевелится еще? – специально отвлек Банда внимание Грушевского, и когда тот невольно ошарашенно опустил глаза к своим штанам, сильно и четко, как учили когда-то в Рязановке, дернул за руку, вправляя на место вывихнутый сустав.

– Ай, бля, твою мать! – заверещал травмированный, пронзенный острой болью.

– Не ной! Рукой пошевели... Ну вот видишь, целый. До дембеля заживет... Или до суда.

– Товарищ старший лейтенант... – снова заканючил сержант, просительно заглядывая Банде в глаза.

– Заткнись пока. Я тебе слова не давал... Анушидзе, собери здесь всю роту. Всех, свободных от караула. И этого, Савельева, тоже сюда.

Когда через несколько минут все собрались и устроились кто где, Банда сел посередине блиндажа на перевернутый ящик и, чеканя каждое слово, будто гвозди вбивая, в тяжело повисшей тишине произнес:

– То, что сегодня произошло, – позор. Вас, – он смерил взглядом Грушевского и Савельева, – я всегда уважал как хороших солдат. Мы вместе не раз были на волосок от смерти, но в вас я был уверен всегда... Сейчас я вас не уважаю. Вы – не мужики! Слава Богу, что через несколько дней вы дембельнетесь, и я никогда не пойду с вами ни в рейд, ни в разведку...

Он помолчал несколько минут, собираясь с мыслями, и никто не посмел в это время издать ни единого звука.

– Но все вы, – обвел взглядом Сашка собравшихся бойцов, – сволочи. Никто не помешал, ни у кого совести не оказалось... Я вам про интернациональный долг триндеть не буду, это вам и замполит расскажет, когда в гарнизон вернемся. Я вам только одно скажу – если эта несчастная кому-нибудь из своих обмолвится о том, что вы с ней сотворили, "духи" вам будут каждый день "лекции читать" по интернациональному долгу...

Бондарович снова помолчал, а потом резко закончил свою небольшую речь:

– Короче, так. О происшедшем здесь я пока никому не доложу. Вам всем советую тоже – ни слова.

Никому, ясно? Даже другу из соседней роты. Но если это дело всплывет, все, кто виноват, пойдут под суд. Покрывать никого не буду. Ни за глупость детскую, – он глянул в сторону новобранцев-"держателей", – ни за геройство в прошлом, слышите, Савельев с Грушевским... Все понятно? Вопросы есть?

...В тот раз их пронесло. Женщина, вернувшись в кишлак, видимо, промолчала. Савельев и Грушевский дембельнулись, а оставшиеся бойцы их роты несколько месяцев подряд рвали все жилы, прилагая абсолютно немислимые усилия, чтобы вернуть уважение своего Банды...

* * *

Муравейник

живет.

Кто-то лапку сломал —

не в счет.

*А до свадьбы
заживет.*

*А помрет —
так помрет...*

Сашка положил автомат рядом с собой на сиденье и жадно закурил.

Это всегда с ним происходило – после боя, после напряжения всех физических и моральных сил, вдруг мелко-мелко начинали дрожать руки, и для того, чтобы успокоиться, парень всегда хватался за сигарету.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку сиденья с высоким удобным подголовником и расслабился.

"Слишком много всего сразу", – промелькнула в голове тоскливая мысль.

Разве мог он тогда, выходя из Афганистана, подумать, что война для него еще не кончилась? Что еще не раз будут предательски дрожать у него руки, только что сжимавшие "калашник", сбрасывая напряжение боя?..

Докурив, он щелчком выбросил сигарету в форточку, сделал несколько больших глотков воды из фляги и со вздохом завел двигатель.

– Ничего не поделаешь – ты, Банда, влип. Хочешь жить дальше – выкручивайся! – чтобы хоть немного взбодриться, вслух сказал он самому себе.

Он отпустил ручник, с радостью убедившись, что после экстренного торможения эта штука все еще работает, включил передачу, и джип, резво набирая обороты, снова устремился к границе.

Сашка не заметил, как быстро бежало сегодня время. Только сейчас, вылетев из-за очередного поворота, он понял, что день кончился – заходящее солнце огромным красным шаром висело над самым горизонтом, утратив свой ослепительный дневной блеск и обжигающий все живое нестерпимый жар. Горы за спиной парня налились сочным розовым цветом, а из расщелин и ложбин поползли тени, как будто концентрировавшие в себе ночную непролазную темень.

Эта темнота быстро заливала все вокруг и буквально с последним лучиком солнца, исчезнувшего за горизонтом, получила полную власть над горами, над рекой и над дорогой, сгущаясь с каждой секундой.

Бондарович до последнего не включал фары, полагаясь на мощную подвеску своей "мицубиси", и гнал машину по направлению к границе почти наугад, напряженно всматриваясь в чуть белевшую в темноте полосу дороги.

Это его и спасло.

Отблеск включенных где-то впереди фар он увидел, выехав из-за очередного поворота, и сразу же резко затормозил и побыстрее выключил двигатель.

Определить расстояние в темноте ночи по мерцающим впереди огням практически невозможно, и только по чуть-чуть слышному отсюда ворчанию работающего двигателя парень понял, что до тех, кто ждал его на дороге, не более трехсот-четырехсот метров. А в том, что те, впереди, ждали, и ждали именно его, Сашка уже ничуть не сомневался.

Он в очередной раз подивился четкой организации службы у мафии. На них работала не только милиция и местная продажная власть. У них были не только мобильные отряды боевиков и курьеров, оснащенные любым оружием и любой техникой, вплоть до вертолетов. У них, оказывается, были и свои пограничные заставы, не позволявшие никому незаметно вырваться с территории, находившейся под их контролем.

От самого Пенджикента его никто не обгонял.

Другого пути к границе, кроме как вдоль русла Зеравшана, в природе не существовало. Значит, те, кто ждал его впереди, получив команду по рации, появились откуда-то сверху, спу-

стившись с гор?, с самой границы, чуть опередив своей заставой пограничников, так сказать, официальных.

Банда взял с сиденья свой верный пристрелянный "калашник", проверил на всякий случай, на месте ли нож, гранаты, трофейные "узи" и "вальтер", и тихо, не захлопывая дверцу, выскользнул из машины.

Он решил подойти к ним поближе, но не по дороге, естественно, откуда они ждали его появления, а сверху, по склону. Горы в этом месте подступали почти к самой обочине дороги, уступами и террасами, с каждым новым десятком метров набирая высоту.

Банда быстро и бесшумно пошел вверх. Афганская выучка, помноженная на проведенные в лагере Ахмета месяцы, не пропала даром, и уже минут через пятнадцать парень прекратил подъем, решив, что высоту он набрал уже достаточную. Теперь он осторожно стал пробираться вперед – на свет ярко горевших в ночной темноте фар.

Он старался идти тихо и аккуратно, чтобы ни один вырвавшийся из-под сапога камешек, застучав по склону, не насторожил тех, ждавших его внизу.

Прокравшись, как ему показалось, метров триста-четырееста и оказавшись над самой засадой, Банда почувствовал, как устал: дыхание его сбилось, а сердце колотилось в груди как бешеное – гулками глухими ударами его стук отражался в ушах и слышен был, казалось, за километр. Банда даже удивился, почему его до сих пор не засекли бандиты.

Парень на минутку остановился перевести дух и вдруг услышал голоса совсем рядом с собой. Он припал всем телом к земле и замер, стараясь не шуметь. Голоса действительно звучали рядом, он даже мог разобрать отдельные слова, произносимые по-таджикски, смысла которых он все равно не понимал. Но главное – он никак не мог разобрать, откуда они доносятся: своеобразная акустика гор дробила и рассыпала звук, не давая возможности определить местонахождение источника. Наконец он твердо решил, что разговаривают на склоне чуть ниже его убежища, и осторожно выглянул из-за камня, всматриваясь в темноту.

Так и есть.

Сверкнул огонек зажигалки, и этой вспышки оказалось достаточно, чтобы Банда смог рассмотреть двоих таджиков, занявших удобную позицию на уступе прямо над самой дорогой. Бандиты были всего метрах в пятнадцати ниже него, и Сашка почувствовал, как пробежал у него по спине нервный холодок при мысли о том, с какой легкостью эти двое могли пристрелить его, если бы он чуть-чуть ошибся высотой: он вышел бы прямо на них тепленьким и даже не понял бы, откуда пришла смерть.

Но сейчас, когда он их заметил, бандиты из охотников сами превратились в дичь: парень очень четко видел две цели, замечательно помеченные в темноте вспыхивающими красными огоньками сигарет.

Очень осторожно, стараясь не издавать ни малейшего звука, Банда стал спускаться. Когда до тех двоих оставалось уже совсем немного, он с досады чуть не чертыхнулся – их разделяла теперь почти отвесная стена, и надо было существенно забирать влево или вправо, чтобы выйти на их уровень и оказаться у них за спинами.

Это было совершенно нереально, и Сашка присмотрелся, стараясь определить как можно точнее расстояние до своей цели.

"Метров пять. Как при боевом десантировании из "вертушки"" – мелькнуло у него в голове, и решение созрело сразу же. Он неслышно просунул голову под ремень, забрасывая автомат за спину, освободив руки, сделал несколько глубоких вдохов, собираясь с силами и примериваясь, и, как кошка, сиганул вниз, прямо на таджиков.

"Как черт на голову!" – успел подумать он, прежде чем коснулся земли.

Он спрыгнул прямо за спину сидевшему на корточках таджику и, на счастье, удержался на ногах. А уж дальше все было делом техники, – схватив за голову обернувшегося на звук ближнего к нему бандита, Банда резко крутанул его в обратную сторону и явственно услышал,

как треснули сломанные позвонки шеи. Бандит тут же, не успев даже понять, что случилось, мешком осел парню под ноги.

Второй, ошеломленно глядя, как принял смерть его товарищ, даже не попытался кричать, а лишь молча потянулся за своим автоматом, завороченно не спуская с Сашки глаз. Но было поздно: Сашка резко повернулся к нему и мощным ударом ноги куда-то в область шеи опрокинул таджика навзничь.

Бандит весь изогнулся и захрипел, – видимо, Сашка попал ему как раз в адамово яблоко. Но хрип в ту же секунду оборвался – прямым ударом кулака в грудную клетку Банда остановил сердце бедняги.

На всякий случай Сашка схватил автомат бандита и присел, осматриваясь и прислушиваясь, готовый принять бой, если те, остальные, там, внизу, поймут, что означает неожиданный шум на уступе. Но все было тихо, и он подполз поближе к краю, чтобы лучше рассмотреть, что творится там, на дороге.

Здесь, на краю этой площадки, Сашка наткнулся на РПГ-7 и понял, что делали тут эти двое – они должны были сыграть роль своеобразных снайперов, с совершенно неожиданной для Бондаровича позиции расстреляв его машину из гранатомета.

Что ж, теперь бандитская хитрость оборачивалась большими неприятностями для них же самих...

Дорогу под углом друг к другу перекрывали два открытых армейских УАЗа, и в свете их фар человек десять боевиков расположились прямо на земле, покуривая и переговариваясь. Еще один сидел в машине, зажав между колен заряженный гранатомет и напряженно всматриваясь в темноту – туда, откуда должна была появиться машина беглеца. Вся компания была вооружена автоматами самых разных конструкций.

Сашка поднял на плечо найденный гранатомет бандитов. Оказалось, он был оборудован ночным прицелом, и Банда снова почувствовал, как неприятно засосало у него под ложечкой от ощущения только чудом минуемой им смерти.

Парень глянул в прицел в сторону своего джипа и с облегчением вздохнул: несколько больших придорожных камней и корявый куст, чудом выросший на этих скалах, надежно прикрывали машину. Возможно, только эти камни да куст и спасли его, Банду, от верной смерти.

Рядом с собой в темноте он нащупал и ящик с гранатами к РПГ и, подняв крышку, взял в руки смертоносное жало. Граната была уже готова к стрельбе, и Сашке оставалось только вставить ее в ствол гранатомета. Вниз стрелять было не слишком удобно, но неудобство скрашивалось близостью мишени, – почти не целясь, прямой, так сказать, наводкой Сашка влупил по машине, в которой сидел дозорный.

– Тьфу, черт!

Он никак не мог привыкнуть к этому совершенно оглушающему грому, с которым стрелял РПГ, и каждый раз чертыхался, нажимая на спусковой крючок этой штуки и неизменно ощущая, как густой тяжелый звон в ушах на несколько минут полностью исключает возможность слышать хоть что-нибудь еще.

Под этот звон, как в немом кино, Сашка видел, как взлетел УАЗ на воздух, теряя двери, колеса, горящие куски металла и резины. Куда-то далеко за реку, оставив в небе огненный след, ушла граната из РПГ, заряженного теперь уже покойником-дозорным. Вторую машину сбросило с дороги взрывной волной, и в свете пламени Сашка видел оставшихся в живых боевиков как на ладони. Они, объятые ужасом, беспорядочно стреляли в темноту, не понимая, откуда пришла смерть.

Один из них указал в его сторону, и Сашка, все еще почти ничего не слыша, увидел, как фонтанчики выбитых пулями камней взметнулись чуть ниже его позиции.

"Всего четверо", – быстро сосчитал Сашка, и, перекатившись метров на пять в сторону и чуть ниже по склону, стащил со спины свой автомат.

В зареве огня он видел их всех великолепно, а потому расстреливал не спеша и с наслаждением, почти как в тире, классическими короткими очередями в три патрона.

– Д-р-р-р, – вздрагивал его автомат.

– Раз, – считал Сашка, и боевик навсегда утыкался лицом в дорожную пыль.

Парень тем временем чуть отползал в сторону, прячась за какой-нибудь камень, меняя позицию, снова старательно прицеливался, и автомат вновь коротко вздрагивал, а очередная жертва отправлялась к Аллаху, оставляя на берегу Зеравшана свое брненное продырявленное пулями тело...

Все было кончено буквально за пять минут, и Сашка с радостью обнаружил, что кончено действительно все – скрытых огневых точек типа этой, на уступе горы, у бандитов не оказалось, и больше неоткуда было ждать неприятностей.

В это время второй УАЗ, до того тихо тлевший, осветил место боя новой яркой вспышкой, сопровождаемой эхом, прокатившимся по горам очередным раскатом грома, – наконец-то рванули бензобаки.

Теперь Сашка стал спускаться вниз почти совсем смело, на всякий пожарный все же не снимая пальца со спускового крючка автомата.

Обойдя каждого боевика и убедившись окончательно, что сопротивления больше не будет, парень собрал несколько магазинов к "калашнику", выбирая потяжелее, в которых еще могли быть патроны, и зашагал по дороге назад к своей машине.

Теперь его сердце билось спокойно и ровно – из этой проклятой Богом страны он вырвется. Это уж точно...

* * *

Волчий вой да лай собак.

Крепко, до боли, сжатый кулак.

Птицей стучится в жилах кровь.

Вера да надежда, любовь...

«За» голосуют тысячи рук,

и высок наш флаг.

Синее небо да солнца круг.

Все на месте —

да что-то не так...

Второй раз в Афгане он залетел куда серьезнее.

Если бы тот капитан из особого отдела оказался посволочнее, до сих пор бы, наверное, тянул бывший старший лейтенант Банда свой срок где-нибудь на Колыме...

Их к тому времени перебросили в Хайратон и в предверии крупного рейда заставили снова заниматься привычным для всего Афгана делом – караулом на блокпостах.

Банда вместе все с тем же лейтенантом Востряковым ехал на смену с его взводом на заставу. Бэтээры натужно выли моторами, преодолевая подъем за подъемом, и когда до цели оставалось всего ничего, чуть более километра, по горам гулким эхом разнесся гром, слишком характерный, чтобы можно было ошибиться, – стреляли из гранатомета.

Банда, который сидел с лейтенантом на броне, прислушался, стараясь хотя бы приблизительно уловить, откуда донесся звук выстрела.

– По-моему, на заставе, – поддержал его самые худшие предположения Востряков, и Сашка, свесив голову в люк, крикнул водителю:

– Жми на всю! На блокпосту стрельба.

В это мгновение донеслось эхо второго выстрела, через минуту-другую – третьего.

Бондарович с Востряковым удивленно переглянулись: ни автоматного треска, ни характерного постукивания крупнокалиберных пулеметов, которыми оснащены бэтээры, слышно не было. Значит, на блокпосту не бой? Но что же тогда, черт возьми, там может происходить?

Бэтээр взлетел на очередной гребень, и с этой точки их застава стала видна как на ладони.

На дороге, на обочине которой был оборудован блокпост, приблизительно метрах в двухстах от него, горели и дымились остатки какого-то невообразимого драндулета. На таких автомобилях, ни страну производства, ни время выпуска которых установить зачастую не было никакой возможности, разъезжало по горным дорогам местное население.

Видно было, что машина взорвана на полном ходу: она перевернулась, жалкий скарб пассажиров разлетелся по всей дороге, и в пламени, охватившем кучу металлолома, еще крутилось, дымя горячей крышкой, смотрящее в небо колесо, чудом не оторванное от ступицы.

Отсюда было видно, как густо усеяна солдатами третьего взвода та сторона заставы, которая была обращена к дороге. А потом у Сашки на голове зашевелились волосы: со всех сторон к перевернутой машине бежали афганцы. Целая толпа их усеяла склон горы, спускаясь из ближайшего кишлака, и множество фигурок в белых и черных балахонах, передвигавшихся по этой довольно оживленной трассе, тоже теперь устремилось к одной точке – к месту взрыва автомобиля.

Бэтээры резко затормозили у ворот блокпоста, но Сашка, спрыгнув с брони, направился не на заставу, а бросился к остаткам странного драндулета, прямо в самую гущу столпившихся вокруг афганцев. Хорошо, что его ребята последовали за ним, подумал он позже, иначе его одного афганцы бы в этот момент просто-напросто разорвали бы на части.

Еще не успели заглухнуть двигатели бэтээров, а Банду резанул по ушам женский плач и вой, доносившийся оттуда, с места трагедии. Толпа расступалась перед ним, и буквально через минуту старлей остановился метрах в пяти от догоравшей машины, прикрывая лицо ладонью от нестерпимого жара.

Прямо у его сапог лежала нога. Нога ребенка, оторванная в колене. У самой машины дымился и маленький трупик, а рядом, как огромная подбитая птица, разметав в пыли черный балахон, горела его мертвая мать. Какие-то узлы, тазики, медные кувшины и коврики горой валялись вокруг автомобиля. Сквозь черный дым и копоть, сквозь вонь горевшей резины Банда чувствовал, как отчетливо пробивался этот проклятый, чуть сладковатый запах горелого человеческого мяса.

Старлей отвернулся, не в силах больше созерцать это зрелище. Он никогда не любил смотреть на жертв безумной старухи с косой в руках, а когда война и смерть забирали жизни детей, он вообще не мог совладать с нервами.

Вокруг советских солдат выли, плакали и кричали что-то афганцы, потрясая кулаками и насылая на их головы самые страшные проклятия. Разобрать что-нибудь конкретно в этом шуме было невозможно, и Сашка завопил, ни к кому конкретно не обращаясь, но стараясь перекрыть бесновашую толпу:

– Что случилось? Мина?

Какая-то сгорбленная старуха подползла на коленях прямо к нему, с ненавистью простирая в его сторону руки и бормоча проклятия.

– Что здесь такое? Ответит кто-нибудь? Кто-нибудь понимает здесь по-русски?

К нему степенно подошел седой старик и, обернувшись к толпе, властно вскинул вверх руки и что-то гортанно прокричал. Сразу же установилась тишина, прерываемая лишь частыми всхлипываниями и женским плачем.

Старик снова повернулся к Банде и внимательно всмотрелся в глаза старшего лейтенанта. Что-то в них внушило, видимо, ему доверие, и старик спросил:

– Шурави – офицера?

– Да, я офицер, командир, – кивнул в ответ Сашка. – Что здесь произошло?

– Не душмана, не моджахеда! – старик сделал движение головой в сторону догоравшей машины. – Не душмана! Совсем не душмана!.. Ваша! Шурави! – показал он теперь в сторону их блокпоста и красноречиво вскинул руки, будто держа воображаемое оружие. – Пух! Пух! Не моджахеда!

– Сашка, пошли на заставу, там разберемся, – дернул его за рукав Востряков. – Кажись, если я правильно понял, наши их подстрелили.

– Пошли.

Они снова вернулись к укрепленному посту. В настежь распахнутых воротах, окруженный перепуганными бойцами, стоял старший прапорщик Власовчук, командир этого взвода.

Куртка его была расстегнута, на портупее болтался ремень, мешком висела сбившаяся на животе тельняшка, совершенно выгоревшие волосы были всклокочены, а на лице блуждала странная, почти безумная улыбка. В правой руке он за рукоятку держал гранатомет. Но более всего поразили Банду его глаза – красные, как у кролика, и абсолютно невменяемые.

– Товарищ старший лейтенант приехали нам на смену. И целый взвод с собой привели. Как мы рады... – начал было Власовчук, но Банда тут же резко осек его:

– Отставить! Товарищ старший прапорщик, доложите, что здесь произошло?

– Да ничего, Сашка, особенного, елы-палы...

"Духа", в натуре, подстрелили...

– Ты что, скотина, пьяный?! – Сашка почувствовал, как ненависть красной пеленой застит ему глаза. Он сам боялся себя в таком состоянии. Он кричал, чуть не срывая голос, чувствуя, как сами, помимо воли, сжимаются его кулаки. – Ты пьяный, спрашиваю?..

– Банда, ну чего ты? Кончай, в натуре, начальника строить...

– Молчать! – заорал Бондарович, и Власовчук почувствовал, видимо, что-то необычное в его лице и в голосе.

Прапорщик, на глазах трезвея, бросил на землю гранатомет и непослушными пальцами старался нащупать пуговицы своей куртки, пытаясь ее застегнуть.

– Старший сержант Мордовии, ко мне! – приказал старлей, вызывая из толпы окруживших их солдат заместителя командира третьего взвода.

Парень тут же подбежал к нему, по-уставному вскинув руку:

– Гвардии старший сержант Мордовии по вашему приказанию прибыл! – четко доложил замкомвзвода, и по выражению его глаз Банда вдруг сразу понял, что произошло что-то действительно страшное.

– Что здесь случилось? Доложите!

Сержант замялся, и Сашка схватил его за грудки, а затем тряхнул так, что парень ростом под метр девяносто зашатался как хлипкий мальчишка.

– Говори все! Приказываю!

– Товарищ старший прапорщик во время несения службы нашим взводом выпил, наверное.

– Что ты гонишь, сука?! – завопил Власовчук, и Банда, отпустив сержанта, бросился к нему, скривив лицо в страшной гримасе:

– Заткнись!.. А ты продолжай! – снова повернулся старлей к Мордовину.

– Ну, по дороге ехал этот... Товарищ гвардии старший прапорщик выбежал из ворот, давай останавливать машину...

– А он не остановился на мои требования!.. – снова начал доказывать что-то Власовчук, но осекся, наткнувшись на страшный взгляд Банды.

– Что было дальше?

– Товарищ старший прапорщик схватил гранатомет – и давай пулять из него. С третьего раза положил...

Банда медленно-медленно начал поворачиваться к Власовчуку.

– Мордовии, кто в это время находился на посту на внешнем охранении?

– Рядовой Павлытько, товарищ гвардии старший лейтенант.

– Павлытько, ко мне!

– Я!

– Из машины стреляли? – старлей не сводил глаз с прапорщика, испепеляя его взглядом.

Рядовой буквально на мгновение замялся, но этого хватило, чтобы Банда снова сорвался на крик:

– Стреляли, твою мать, или нет, я спрашиваю?

– Никак нет, товарищ гвардии старший лейтенант!

– Ты рассмотрел, кто ехал в машине?

– Так точно!

– Кто?

– Семья ихняя ехала... Наверное... Там же полная машина была – дети, бабы... Тряпья всякого...

Баран на крыше лежал связанный...

– Чего от них хотел прапорщик?

– Не знаю, товарищ старший лейтенант... Ну он кричал что-то такое типа: я знаю, что ты духанщик... Вот...

– Точнее!

– Я не слышал...

– Не трынди! Отвечай!

– Ну... Водки просил...

Власовчук аж попятился, видя, как медленно и неотвратно, словно танк, надвигается на него Банда, переполненный жуткой, нечеловеческой яростью.

– Так ты, значит, еще не напился, гад? Тебе мало было? Догнать хотелось? И за это – по детям из гранатомета, значит? Так?

– Сашка, ты чего? Ты – серьезно? – забормотал перепуганный прапор, упершись спиной в стену из мешков. Дальше отступить было некуда, и Власовчук прямо на глазах стал как-то ненатурально съезжаться, тем больше, чем ближе подходил к нему Банда. – Сашка, я же "духа" подстрелил!

Бондарович встал перед ним, несколько секунд пристально, будто прицеливаясь, смотрел прапорщику в глаза и вдруг резко вскинул руки. Власовчук съезжился и прикрыл лицо руками, ожидая удара, но Сашка вместо этого схватил его за погоны и сильно рванул, с мясом оторвав.

– Сука! – страшно прошипел старлей, швыряя погоны в лицо перепуганному прапорщику. А потом Банда стал пятиться, не спуская глаз с Власовчука. Солдаты расступались, освобождая ему путь, и постепенно образовался живой коридор длиной метров в пять, на одном конце которого стоял Банда, а на другом спиной к стене – Власовчук.

– Именем Правительства Союза Советских Социалистических Республик... – начал Банда тихо-тихо, и сразу же на блокпосту повисла мертвая тишина, как будто в преддверии чего-то ужасного. – За мародерство, за преднамеренное убийство мирных жителей, за грубое нарушение всех правил и принципов советского воина-интернационалиста...

– Сашка, да ты что?! – ужас в глазах прапорщика был поистине животным.

– За то, что этот гад, служивший вместе с нами, опозорил, невинной кровью замарал святое имя советского солдата и гвардейское знамя нашей части... За то, что детей – из гранатомета...

– Сашка... Товарищ гвардии старший лейтенант! Вы что надумали? – голос Власовчука дрогнул и сорвался на противный тонкий визг.

– Александр, успокойся! Перестань! – попробовал было успокоить друга и Востряков, но Банда даже не повернул головы в его сторону.

– За пьянство при выполнении боевого задания во время несения караула на блокпосту... За нарушение всех правил и норм боевого устава, Устава внутренней и караульной службы Вооруженных Сил СССР... За невыполнение приказа командования в боевых условиях...

– Ребята, да что же вы стоите?! Да мы же вместе с вами пули ловили и кровь проливали!.. Он же с ума сошел!.. Ну вы же все знаете меня! – Власовчук уже плакал навзрыд, слезы катились по его загорелому лицу, но солдаты стояли молча, не шевелясь, скованные странным чувством справедливости, высшей человеческой справедливости этого суда.

– Я приговариваю бывшего гвардии старшего прапорщика нашего разведывательного батальона Власовчука к расстрелу! – Банда сорвал с плеча автомат и передернул затвор. Солдаты в ужасе бросились врассыпную. Живой коридор распался буквально в один миг, оставив Власовчука у стенки из мешков в полном одиночестве.

Бондарович вскинул автомат, но в этот момент Востряков с силой ударил старлея по рукам сверху, пригибая ствол оружия к земле.

Очередь получилась совсем короткой, но все равно прицельной: пули веером взметнули фонтанчики песка, пробив мешки прямо на уровне коленей приговоренного к расстрелу, и Власовчук упал как подкошенный. Он громко кричал, стонал и ругался, валяясь в афганской пыли, с каждой секундой намокавшей от вытекавшей из его ног крови.

Банда в ярости повернулся к Вострякову, уткнув ствол "калашника" ему прямо в живот.

– Чего лезешь?!

– Саша, перестань. Успокойся, Саша! Слышишь? Пусть все решает прокуратура... Это их дело.

Мы же – не органы, – лейтенант говорил тихо и вкрадчиво, одновременно осторожно забирая автомат у Банды.

И Бондарович будто очнулся. Он молча отдал автомат и ушел на заставу, в офицерское укрытие.

– Ну чего стали? – прикрикнул Востряков на совершенно растерявшихся и обалдевших разведчиков. – Быстро перевязать прапорщика! Сделать ему укол. Подготовить к транспортировке в гарнизон.

Уложить в бэтээр второго отделения... Замкомвзвода приступить к сдаче-принятию поста!..

А сам поспешил в укрытие следом за Бандой.

Местные жители, тоже ставшие невольными свидетелями этой сцены, некоторое время еще постояли в отдалении, а потом, удивленно покачивая головами и тихо переговариваясь, начали постепенно расходиться...

В гарнизоне, в Хайратоне, Банда сам обо всем доложил комбату. Подполковник сначала схватился за голову, а потом, самолично разоружив Бондаровича, на несколько суток отправил его на гауптвахту.

Делом старшего лейтенанта Александра Бондаровича, обвинявшегося непонятно по какой статье – то ли в не правомерном применении оружия, то ли в совершении самосуда, то ли в попытке преднамеренного убийства, – занимался майор-особист. Ох, и помотал же он Сашке нервы, пока оформлял эти свои бесконечные протоколы! По десять раз заставлял Банду пересказывать одно и то же, каждый раз прося расписаться под протоколом допроса.

– Старлей, слушай, – сказал он как-то вечером, закончив очередной допрос и закрывая папку с документами, – а ведь тебе по разным статьям трибунал от пяти до десяти усиленного режима впаять может. Ты это понимаешь?

– Да уж, понимаю... Теперь.

– Ты вот что, парень... Скажи спасибо мне да своему комбату. Может, кое-что у нас с ним и получится. Но только тогда одной бутылкой ты не отделаешься! – как-то странно подмигнул Сашке майор и ободряюще улыбнулся.

А еще через несколько дней Сашку под конвоем доставили с гауптвахты в штаб их батальона.

– Вы свободны, – отпустил подполковник, их комбат, конвоира и взглядом указал Банде на стул напротив своего стола. – Садись, Бондарович.

Когда Банда сел, комбат достал из стола пистолет и бросил парню через стол.

– Твой. Держи. И скажи спасибо Богу, что майор в особом отделе несвольной попался.

– Товарищ гвардии подполковник, я что-то вас не совсем понимаю... – растерянно вертел Сашка в руках оружие, не врубаясь, к чему клонит комбат.

– А что тут не понимать? Несчастный случай произошел с гвардии старшим прапорщиком Власовчуком; Он все указал в своем рапорте. Вот комбат вытянул из стола какую-то бумажку, – цитирую: "По неосторожности я прострелил себе ноги, перезаряжая автомат"... Теперь, надеюсь, тебе все ясно, старлей Бондарович?

– ...

– Ладно, нечего пялиться на меня как баран на новые ворота. Не видел давно, что ли?.. Сейчас я тебя, товарищ ротный, познакомлю с твоим новым командиром третьего взвода. Но вообще-то это не главное.

Комбат расстелил на столе карту.

– Смотри сюда... Как тебе известно, готовится крупный рейд. Перед нашим батальоном поставлена задача – расчистить перевал и вот этот квадрат, – он ткнул карандашом в какую-то точку на карте. – На твою роту я возлагаю самую ответственную задачу, так что подвигайся. Банда, ближе и слушай меня внимательно...

А водку они выпили. Потом. После рейда. С комбатом, с тем майором-особистом и с Востряковым, который оказался первым и наиглавнейшим свидетелем того несчастного случая, который приключился с таким неосторожным гвардии старшим прапорщиком Власовчуком.

Ведь на войне как на войне – всякое случается...

* * *

В небе над нами горит звезда.

Некому кроме нее нам помочь.

В темную, темную, темную

Ночь...

Банда даже не заметил, как проскочил границу – ни столбов, ни шлагбаума, ни тем более классической "колючки" или контрольно-следовой полосы.

Мелькнул, правда, на обочине в свете фар какой-то вагончик. Может, это и был пограничный переход с таможенной службой, но его автомобилем, по крайней мере, никто не заинтересовался.

Вообще парень понял, что он уже в Узбекистане только тогда, когда в дальнем свете фар вдруг неожиданно высветился знак "Самарканд – 46 км".

Он хорошо изучил географию этого проклятого края еще тогда, когда их дивизию вместе со многими остальными боевыми частями в отличие от штабов вывели из Афгана и бросили здесь, в степи, неподалеку от Шерабада, несколько месяцев гнить в палатках.

В те дни от бесконечного ничегонеделания и полной беспросветности они все только и делали, что пили горькую, колеся за ней на армейских УАЗах за сотни километров, объездив все окрестные города и кишлаки.

Сейчас Сашке как нельзя кстати могли бы пригодиться давние связи и знакомства, которые завел у него в этих краях и деньгами укрепились в те сумасшедшие послеафганские времена. А потому, быстро долетев по ночному пустынному шоссе до Самарканда, парень без раз-

думий свернул налево, на юг, практически наугад проплутав по узким улочкам города, выехал на дорогу, ведущую в Шахризабс.

Ему просто до зарезу нужно было попасть в Дехканабад. И желательно до рассвета: слишком рискованное это дело – разъезжать на такой тачке, как "мицубиси-паджеро", не имея ни номеров, ни Документов, зато заполнив машину оружием чуть ли не под самую, что называется, крышу.

Бондаровичу надо было срочно легализоваться, чтобы далекий путь домой, в Россию, прошел более-менее спокойно, без особых приключений.

А помочь ему, видимо, способен был только Турсунов – чайханщик из Дехканабада, старый и толстый узбек с узкими, хитро прищуренными и постоянно бегающими туда-сюда глазками.

Тогда, в дни их степной жизни, Турсунов стал для офицеров настоящим спасением. Он умел все.

Он мог достать немереное количество водки даже в дни самого большого мусульманского праздника.

Мог поставить эту самую водку в кредит, почему-то доверяя им, офицерам-"афганцам". Он мог купить у них пару гранат или сотню патронов к "калашнику", не задавая лишних вопросов и не ломаясь, не корча из себя особо законопослушного гражданина. Даже девочек, если им сильно хотелось, он доставал как из-под земли – стройных, красивых, томных и, самое главное, здоровых, за все время сладких утех не наградивших никого из них разными нехорошими болезнями.

Теперь Сашка надеялся, что если только Турсунов жив-здоров, он обязательно поможет...

Ночь беспросветной мглой окутывала все вокруг. Мертвенный бело-желтый круг света, который гнала перед собой по дороге "мицубиси", мерно покачивался и подрагивал, назойливо напоминая Сашке про совершенно сумасшедший прошедший день, про усталость и про возможность и даже необходимость такого сладкого, такого желанного сейчас сна.

Пока машина сразу же после Самарканда шла в гору, преодолевая предгорья Зеравшанского хребта, частые повороты дороги еще помогали парню как-то справляться с усталостью, но через чае; скатившись в долину, Сашка как-то вдруг сразу понял, что очень даже запросто может заснуть прямо за рулем.

Заметив, как вырвали фары из темноты очередной дорожный указатель, Банда остановил возле него джип и вышел из салона, выключив двигатель и магнитолу.

Он полной грудью вдохнул пьянящий южный воздух, уже успевший остыть после жаркого дня, и прислушался к ночи.

Он любил слушать ночь. Особенно здесь, на Востоке.

В этих краях ночи не бывали безмолвными. Вот и сейчас уши сразу же уловили знакомый звук то ли далекого рычания, то ли какого-то размеренного грохота – значит, где-то неподалеку стремительная горная речка, постепенно успокаиваясь, разливалась по долине, все еще шипя и пенясь на камнях и порогах.

Темнота доносила и массу других звуков – ритмичное пощелкивание цикад, какие-то вздохи, стоны, приглушенные крики. Эта земля оживала имен" но по ночам, когда уходило на покой солнце, и звуками этой жизни наполнилась ночь Неожиданно громко что-то булькнуло в остывающем двигателе автомобиля, и Сашка вспомнил, что приехал сюда отнюдь не ради ночных вздохов и шорохов.

Он подошел к указателю.

Если верить знаку, то получалось, что он буквально в двух километрах от Китаба и Всорбка – от Шахризабса. Память тут же услужливо напомнила, что от Шахризабса до Гузара еще сотня, а потом до Дехканабада уже и рукой подать – меньше пятидесяти.

"Итого – около двухсот километров. Если стараться "сотку" держать, минус проезд кишлаков и городков, где скорость так или иначе придется сбрасывать, плюс прямые участки, где можно и "притопить", – получается часа два – два с половиной", – подытожил Банда.

Он вернулся к машине и сел за руль, захлопнув за собой дверцу.

Тишина в салоне "мицубиси" вдруг испугала его.

Она показалась ему подозрительно спокойной, неестественной в этом бурном, идиотском, сумасшедшем мире. Она вселяла в сердце глухую тревогу и какую-то неуверенность в хэппи-энде всех его приключений, и для того, чтобы нарушить, взорвать эту коварную тишину звуконепроницаемого салона, Сашка что есть мочи крутанул регулятор громкости приемника, судорожно нащупывая на цифровом индикаторе волну "Маяка".

Вот он.

"Не слышны в саду даже шорохи... Пип-пип-пип... Московское время – четыре часа утра. Говорит "Маяк"..."

Сашка невольно взглянул на часы – точно. Его старый надежный "Ориент", настоящий, купленный еще в "Березке" за шестьдесят чеков, старательно показывал час ночи по местному поясному времени.

– Два с половиной часа пути. Значит, к половине четвертого буду уже в Дехканабаде. Отлично, даже выспаться успею! – вслух самому себе сказал Банда и, снова включив кассету с песнями Цоя, повернул ключ зажигания. – Вперед...

* * *

И я вернусь домой.

Со щитом,

а может быть, на щите.

В серебре,

а может быть, в нищете

Но как можно скорей.

Востряков "получил свое" неожиданно и, что самое обидное, не вовремя.

Все уже было кончено.

Просидев в Афгане десять лет и обильно окропив горы этой земли своей кровью, советские войска бесславно покидали эту землю. Уже никого не осталось на юге страны, под Кандагаром и Калатом.

Уже ушли все из Джелалабада, оттянувшись к Кабулу. Уже, по слухам, сворачивались в Герате, отходя в Кушку. Но их батальон все еще воевал, действуя практически автономно, в отрыве от всех остальных, обеспечивая проходы колонн и разведку перевалов.

Их на "вертушках" перебрасывали с места на место по два-три раза в неделю, и парни просто не успевали запоминать названия кишлаков, долин, гор и хребтов, может быть, в последний раз переходивших под контроль шурави.

Сашка водил свою роту осторожно, спокойно, без лишнего риска и авантюризма. Мало того, что ротный поклялся сам себе вывести отсюда как можно больше живых, – чувствовалось, что настроение у его ребят уже не то. Они стали нервными, психованными, легкое ранение товарища воспринимали с завистью, а смерть – с яростью, в дикой ненависти грома засады "духов" и даже старательно добывая раненых. Тактика Бондаровича: не лезть на рожон, четко просчитывать любой ход и любую внештатную ситуацию вкуче со слаженностью бойцов и великолепным знанием каждым своего дела – все это приносило свои плоды, и рота Банды была, пожалуй, самой укомплектованной в батальоне, а может, и во всей их десантно-штурмовой дивизии особого назначения.

И все же не зря говорят: сколько веревочке ни виться – конец будет.

...То утро не предсказывало никаких проблем – все было просто и ясно как божий день. Рота получила боевой приказ в составе двух взводов выдвинуться на расстояние до пятнадцати километров и занять высоту в определенном квадрате, обеспечив тем самым беспрепятственный проход через перевал колонны живой силы и техники.

Все было привычно. Воздушная разведка каких-либо сил противника в том квадрате не обнаружила, единственная опасность могла поджидать на той самой определенной командованием высоте – какой-нибудь небольшой отряд "духов" вполне мог рассеяться на этой стратегически важной точке, поджидая, когда появятся на дороге жертвы. А потому три бэтэера роты Бондаровича спокойненько и беспечно, вздымая над дорогой тучи пыли, на максимальной скорости неслись в указанный квадрат. Бойцы, рассевшись на броне, хоть и сжимали по привычке направленные на обочину автоматы, все же курили и веселились, расслабившись на ласковом утреннем солнышке.

Они не прошли, наверное, еще и половины пути, как все это и произошло.

Взрыв огромной силы, вмиг поглотивший натужный рев двигателей бэтэеров, сотряс машину Вострякова, шедшую первой. От резкого торможения Банда чуть не свалился в люк, но, удержавшись, поднял глаза и содрогнулся.

Бэтээр Вострякова напоролся на мину. Бойцы как горох покатались с брони в разные стороны, а из-под левого бока машины повалил густой черный дым.

Банда заметил взводного – тот спрыгнул внутрь бронетранспортера, и через несколько мгновений распахнулся боковой люк и оттуда кубарем выкатился солдат, с обезумевшим от ужаса лицом бросившийся к пока еще неповрежденным бэтэерам.

В этот же миг, слетев откуда-то сверху, с горы, мелькнула яркая молния выстрела из гранатомета, и взрыв раздался уже чуть позади Банды, у замыкавшей их дозор машины.

Сашке даже не надо было отдавать команду – его бойцы без подсказок своих взводных и ротного уже рассыпались по обочине, ведя прицельный огонь по огневым точкам "духов" и короткими перебежками двигаясь вверх, на склон. Весело затараторили крупнокалиберные пулеметы бэтэеров, и Сашка, спрыгивая вниз, в люк, успел заметить, что стреляет и машина Вострякова.

– Быстро вызови "вертушки"! – крикнул ротный водителю. – Сами можем не справиться, мать ихнюю! Доложи комбату – один бэтээр подбит, напоролся на мину. Есть раненые. Пусть быстрее пришлют помощь!

Когда он снова выскочил на броню и спрыгнул, осматриваясь, на землю, его сердце больно, по-живому, резануло чувство неотвратимой беды: бэтээр Вострякова уже молчал, и из открытого люка водителя наружу пробивались языки пламени. Большинство ребят первого отделения первого взвода, сидевших во время взрыва на броне и послетавших на землю, уже вряд ли когда-нибудь пошевелиятся – стрельбы с того фланга совершенно не было слышно, а неподвижные фигурки солдат застыли в афганской пыли в неестественных позах.

Банда порадовался за второй взвод, который четко и грамотно атаковал противника на правом фланге, огнем пулеметов и гранатометов подавляя огневые точки "духов".

И все же силы были явно неравные. "Духи", по количеству в несколько раз превосходящие силы его неполной роты, занимали куда более выгодную позицию, сверху старательно и беспощадно поливая шурави огнем.

Банда принял решение немедленно отходить.

По рации он отдал приказ командиру второго взвода лейтенанту Акулику прикрыть их и потихоньку концентрировать силы, готовясь к отходу, а сам подозвал командира второго отделения взвода:

– Анушидзе! Со своими – ко мне! Всех раненых и убитых оттуда, – он кивнул в сторону бэтэера Вострякова, – в машины! Выполняй!

Анушидзе еще не успел отдать приказ своим бойцам, как Сашка первым бросился к подбитому бронетранспортеру, стараясь зайти с защищенной от пуль "духов" стороны.

Он как вихрь ворвался в открытый бортовой люк бэтэра и нос к носу столкнулся со старослужащим рядовым Бурсаком, которого Банда хорошо знал как опытного и надежного солдата, – здоровенным детиной откуда-то с Полтавщины. Округлившимися от ужаса глазами парень тарачился на Банду, зачем-то прикрывая голову руками, сжавшись на жесткой лавке машины в той типичной позе, которая лучше всяких слов объясняет, какой животный ужас испытывает человек, сворачиваясь в куколку эмбриона.

Особенно неприятно Банду поразил автомат Бурсака, валявшийся у ног солдата.

– Чего сидишь, блядь? Сгореть хочешь? – закашлявшись от едкого дыма, наполнявшего бэтэр, закричал Сашка. – Взял автомат – и на хрен отсюда! Раненых в машины таскай, сцыкун!..

Солдат не пошевелился, все с тем же выражением бешеного страха глядя на командира.

– Оглух, что ли? Эй, ты живой? – старлей сильно тряхнул бойца за плечо, и тот энергично закивал:

– Так точно! Там стреляют!..

– Притырок гребаный! Знаю, что стреляют! Пошел на хрен отсюда!

Банда с силой врезал парню куда-то в челюсть, и боль моментом вывела Бурсака из шока, – схватив автомат, он опрометью бросился вон из бэтэра.

Банда попытался осмотреться в едком черном дыму, заполнявшем чрево машины.

Обмякшее неподвижное тело Вострякова лежало на полу, под пулеметной башней. Видимо, это он стрелял из КПВТ, пока хватало на это сил.

Банда сгреб лейтенанта в охапку, чувствуя, что начинает задыхаться, и боясь потерять сознание, рванул что было мочи к выходу.

Они оба буквально вывалились из люка, прямо на руки подоспевших бойцов. Банда оттолкнул от себя Анушидзе, пытавшегося взвалить командира на плечи:

– Со мной все в порядке. Лейтенанта – в бэтэр!

– Всех уже собрали! – крикнул Анушидзе, и старлей удовлетворенно махнул головой:

– Отходим!

Они не успели даже доползти до своей машины, как из-за вертушки нависшей над ними скалы вынырнула пара вертолетов, рокотом моторов перекрывая шум стрельбы.

– "Вертушки"!

Красиво развернувшись, вертолеты четко зашли на позиции "духов". Вспыхнул огонь под крыльями машин, и огненные хвосты реактивных снарядов с воем вонзились в гору, поднимая тучи огня, дыма, песка и камней как раз на том месте склона, где засели "духи".

Два захода – и все было кончено.

Взвод Акулика прочесал гору, как только "вертушки" ушли. Немногих из оставшихся в живых моджахедов, оглушенных и ничего не соображавших после ракетного обстрела, распаленные солдаты просто-напросто расстреляли.

– Противник уничтожен. Пленных нет. Рота потеряла убитыми пятерых, раненых шестеро, – доложил Банда комбату по рации. – Уничтожен один бэтэр, один поврежден.

– Он на ходу?

– Так точно. Оторвано колесо.

– Понял. Продолжайте выполнение боевого задания. Вам на помощь вышел уже твой третий взвод...

Комбат отбросил официальный тон и закончил уже совсем ласково, по-отечески:

– Сашка, милый, держись. Колонна на подходе!.. За ранеными в установленный квадрат я пришлю вертолет, ты не беспокойся. Так надо, Саша...

– Востряков ранен...

– Олег? Сильно?

– Не знаю еще, товарищ подполковник.

– Высылаю "вертушку". Держитесь, ребята! – И рация щелкнула, отключаясь...

Стратегическую высоту они заняли без проблем, не встретив больше ни одного "духа".

Из бэтээров бойцы вынесли убитых и раненых.

Пятерых парней положили отдельно, голубыми беретами прикрыв им лица. Почти все они были из первого отделения и погибли сразу при взрыве мины.

Банда построил остатки взводов, и гулким эхом пронесся по горам залп их прощального салюта.

Шестеро раненых лежали в тени одного из бронетранспортеров. Их уже успели осмотреть и на скорую руку перевязать. К счастью, ранения почти у всех были не слишком тяжелыми.

Только Корнеев, водитель востряковского бэтэера, которого взводный выбросил из машины сразу после взрыва, был не перевязан: у парня действительно не было ни царапины, но мощный взрыв контузил его, полностью лишив слуха. Он сидел, привалившись к колесу бэтэера спиной, и крутил головой, бессмысленно ворочая глазами и раз за разом что-то выкрикивая. Кто-то, кажется, Анушидзе, опустился на колени рядом с ним, заговаривая и пытаясь его успокоить.

Больше других досталось Вострякову. Его тоже контузило, голова была разбита, к тому же он получил огнестрельное ранение грудной клетки. Оказалось, ко всему, что когда Банда вытягивал его, Олег уже начинал гореть, и его босые ноги теперь до колен были забинтованы.

Сашка сел рядом с ним, Востряков был в сознании, и его голубые глаза с благодарностью смотрели на Сашку. Хриплое дыхание вырывалось из груди, и судорога боли то и дело пробегала по его лицу.

– Сашка... – с трудом выговорил взводный.

– Молчи, Олежка, молчи! – Банда успокаивающе погладил Вострякова по руке. – Тебе сейчас никак нельзя говорить. Экономь силы.

– Я... не слышу... тебя... Но ты... послушай...

– Да помолчи ты лучше! – приказал Банда, прикладывая палец к губам.

Востряков через силу отрицательно мотнул головой, прося Бондаровича выслушать.

– Банда, я знаю... ты спас... никогда... не забуду... друг... никогда... слышь? – часто останавливаясь, проговорил раненый. – Жив если буду... И ты если... Всегда ко мне... в Сарны...

Силы, видимо, окончательно покинули парня, и взводный замолк, закрыв глаза и застав от боли...

Банда обошел занятый его подчиненными рубеж, проверяя, скорее по привычке, чем по необходимости, как подготовились к отражению возможных внезапных нападений "духов" бойцы его роты.

Все было сделано четко, грамотно и аккуратно.

Даже старший сержант Анушидзе, взявший теперь, после ранения Вострякова, на себя командование первым взводом, отлично справился с задачей, правильно определив позиции дозорных, линии огня для каждого отделения и бэтэера.

Теперь солдаты востряковского взвода развалились, покуривая, в тени своих бронетранспортеров.

Банда сел вместе с ними, зажег сигарету и затянулся.

А потом он почувствовал что-то неладное – все курили молча, не произнося ни звука: не вспоминая бой, не подшучивая над "молодыми".

Сначала ротный решил, что это молчание – как память о погибших, как подсознательное чувство вины перед ранеными товарищами. Но по напряжению, которое буквально физически висело в воздухе, по взглядам, периодически бросаемым на спину сидевшего в отдалении Бурсака, Банда понял, что ребятам известно все – как трусливо прятался от пуль в брюхе бэтэера

Бурсак, как сидел он рядом с истекающим кровью Олегом, бросив автомат и прикрыв голову руками, а потом, после того, как Сашка выгнал его из машины, убежал в другой бэтээр, невзирая на бой, на раненых и убитых товарищей, которых Анушидзе со своими бойцами эвакуировал из-под огня.

Бурсак теперь тоже молчал, ежась под взглядами ребят и поминутно меняя позу, как будто не в силах устроиться поудобнее.

И первым не выдержал молчания именно он:

– Ну что вы на меня все смотрите?! Ну да, не полез я под пули! Я дембель! Мне домой завтра! Не хочу я больше, ясно? Надоело мне! Я жить хочу!

Он кричал надрывно, страшно, стоя на коленях и повернувшись к своему взводу, и лицо его исказила ужасная гримаса.

А ребята все так же молчали, отводя глаза от труса, теперь уже как будто вообще не замечая его присутствия.

– Мужики, ну в самом деле! – сменил вдруг тон Бурсак, уже не огрызаясь, а будто уговаривая их. – Я же с вами служил столько месяцев... Я же не был трусом никогда, вы же знаете... Просто не понимаю, что на меня вдруг нашло...

Но видя, что ребята не реагируют на его слезливые увещевания, он снова сорвался на крик:

– Ну расстреляйте меня! Пусть сегодня в нашей роте еще одним трупом больше станет!

Банда заметил, как вдруг разом потемнели и без того черные глаза Анушидзе. Яростно сверкнув белками, грузин вскочил и гортанно, с сильнейшим акцентом, который всегда выдавал в его голосе ужасное волнение, с жуткой ненавистью оборвал изливания труса:

– Слышь, заткнись, а? Еще слово скажешь – убью! Панимаешь, а? Засунь свой паганный язык в жопа, понял, а?

Бурсак осекся на полуслове, а потом упал лицом в землю, громко и горько расплакавшись...

...А Востряков нашел Банду, прислав из госпиталя письмо. Одно, второе, третье... Они часто переписывались, пока Сашка еще служил в армии.

Олега списали, отправили в отставку. Для строевой службы после ранения он не годился уже надолго, да и сам Востряков особого желания служить уже не испытывал.

Он уехал к себе домой, к матери, в маленький районный городок Сарны, где в доме на зеленой тенистой улочке начал новую мирную жизнь.

Олег часто и настойчиво звал Сашку к себе. Он знал, что Банда сирота, и готов был помочь всем, чем только сможет, чтобы его ротный вписался в гражданскую жизнь.

Сашка и сам часто подумывал уехать к Вострякову, но жизнь закрутила его, завертела так, как не мог и представить в Афгане никто из них...

* * *

Здесь непонятно,

Где лицо, а где

– рыло.

И непонятно,

Где пряник, где

– плеть.

Здесь в сено не втыкаются

вилы,

А рыба проходит сквозь

сеть...

Все получилось так, как Банда и предполагал...

В половине четвертого Сашка уже подъезжал к Дехканабаду.

1 Город начинался постепенно, с традиционных дувалов и глинобитных хижин без окон – как будто несколько кишлаков вдруг срослись, сплелись в одно целое. И только в центре этого сгустка типичных узбекских деревень вдруг появилась откуда ни возьмись стандартная площадь городка районного масштаба, на которой сгрудились и памятник Ленину, и здание райкома, и универмаг с почтой и пародией на Дом быта, и странный здесь, на Востоке, Дом культуры, своими огромными окнами и фасадом с колоннами нагло и тупо смотрящий прямо на мечеть.

Сашка знал этот маленький забытый Богом городок очень хорошо, а потому без труда отыскал на окраине подходящую тихую улочку и, остановив машину и выключив двигатель, заблокировал все двери изнутри.

Он извлек из-под сиденья бутылку джина, предусмотрительно захваченную еще в лагере, кусок хлеба, консервы и как следует то ли поужинал, то ли позавтракал, приняв, как лекарство от усталости, сто граммов крепкого напитка.

Затем парень опустил спинку сиденья и, закрыв глаза, тут же уснул, чтобы проснуться через пару часов...

После шести утра город оживал. Мычал и блеял домашний скот. Женщины брели за водой. Кто-то волок на базар тележку с фруктами. Из дворов доносились крики, и стелился по улицам сладкий дым из печей, в которых уже пеклись пресные, но удивительно вкусные, пока горячие, лепешки.

Весь этот утренний шум-гам разбудил Банду.

Но, взглянув на часы, парень резонно решил, что в чайхану отправляться еще очень рано, а потому, снова откинувшись на спинку сиденья, выкурил сигарету и закрыл глаза, пытаясь если не поспать, то хоть слегка подремать.

В половине девятого он окончательно отогнал от себя сон, вынул из бардачка документы на машину – техпаспорт и права Ахмета – и, отсчитав десять сто долларовых бумажек, положил их отдельно от остальных денег в карман брюк. Затем проверил, как закреплен на плече под курткой "узи", положил в карман пистолет Макарова, еще раз убедился, что весь его остальной арсенал старательно упрятан под сиденьями, и вышел из машины, тщательно закрыв все окна и двери. Он понимал, что "мицубиси" в этой дикой стране была его единственным шансом на спасение и ее нужно было беречь, что называется, как зеницу ока.

Он отправился в чайхану пешком, не желая лишний раз засвечиваться в центре города на такой приметной машине, как "мицубиси-паджеро".

В начале десятого Банда, пригнувшись у низкой притолоки, перешагнув порог почти пустого в эти утренние часы заведения. Он взглянул за стойку и сразу почувствовал, как радостно вздрогнуло и забилося его сердце – хозяином здесь так же, как и тогда, несколько лет назад, был Турсунов, все такой же толстый, лоснящийся, довольный и удивительно хитрый.

– Салам алейкум! – не удержавшись, крикнул Сашка с порога, радостно направляясь к чайханщичу.

– Алейкум ассалам... – озадаченно пробормотал толстяк, не узнавая этого пыльного и грязного исхудавшего русского, который вел себя так странно, будто они знакомы, по крайней мере, не один год.

– Что, Турсунов, аль не признаешь?

– Нет, уважаемый, что-то не припоминаю...

– А старшего лейтенанта Банду не помнишь? А "море водки, пива таз" забыл? А сколько девочек хороших в моих объятиях ты, изверг, погубил? – Банду понесло – он даже вдруг заговорил чуть ли не стихами.

– Ай-ай-ай! Банда!.. – расцвел наконец-то в улыбке Турсунов, а его и без того узкие глаза совсем сжались в еле заметные щелочки, почти исчезнув на толстом откормленном лице. – Заходи-заходи, гость дорогой! Давно мы с тобой не виделись, уважаемый Банда!

– И то правда – давненько!

Они обменялись рукопожатием, на восточный манер пожимая обе руки сразу, и ласково потрепали друг друга за плечи как старые хорошие друзья.

– Каким ветром в наших краях, старлей Банда?

Что, девушки наши сильно понравились? Может, невесту ищешь? Так за неверного никто замуж не пойдет, ты такого калыма век не соберешь! – весело ржал Турсунов, усаживая Банду за низенький столик у стены – на самом почетном месте.

– Нет-нет, старый хитрец, мне твои девушки не нужны... Ты мне нужен.

– Так-так!..

Турсунов вмиг посерьезнел, и маленькие глазки его стали еще меньше, опасно забегав по сторонам – верный признак того, что рыбка клюнула, что он явно заинтересовался, какая проблема могла привести к нему Банду.

– Важное дело, старик, – веско сказал Сашка, глядя чайханщику прямо в глаза.

– Хорошо, дорогой! Но про дело – потом, сначала – кушать. Плов горячий будешь?

– Спасибо, не откажусь!..

Когда тарелка жирного, с огромными кусками баранины, плова опустела, и Сашка устало откинулся на подушки, Турсунов загадочно поманил его пальцем:

– Пошли, уважаемый, в те комнаты. Там хорошо про дела говорить, – позвал его старый хитрец куда-то в глубину помещения, за стойку.

Они прошли через кухню и оказались в небольшом, со всех сторон огороженном дворике, располагавшемся позади чайханы и совершенно невидном с улицы. Турсунов провел его в маленькую тенистую беседку, где столик был уже накрыт сладостями и стоял заварочный чайник с готовым ароматным зеленым чаем. Разлив напиток по пиалам и как следует устроившись, Турсунов наконец-то показал, что он – весь внимание.

– Мне сильно нужна твоя помощь, – начал Банда. – Дело, конечно, не простое, я понимаю. Но плачу сразу.

– Долларами? – Турсунов был, как всегда, конкретен и деловит, и это понравилось Сашке.

– Ну, дорогой, а чем же еще?!

– Говори, какое дело?

– Мне надо оформить доверенность на право управления и распоряжения машиной – так называемую генеральную доверенность. Вот права хозяина, вот техпаспорт, – он протянул Турсунову документы.

– О-о! "Мицубиси-паджеро"! Хорошая машина, очень хорошая, красивая, сильная, – Турсунов аж причмокнул языком от удовольствия.

– Это можно сделать?

– А почему хозяин не пришел? – хитрый глаз старика быстро скопился в сторону Банды, и парень понял, что такими намеками узбек попытается вывести его из равновесия и запросит как можно больше денег.

– Послушай, хозяин заболел... А вообще ты меня давно знаешь и знаешь, что я не подведу... – Бондарович не спеша отхлебнул из пиалы. – Короче, мне нужна доверенность на мое имя, оформленная чин-чинарем, а также сто пятьдесят литров бензина. Хорошего бензина, сам понимаешь.

– Да-да-да-да... Уважаемый, это все можно, но это все дорого...

– Послушай, старик, если все это ты сделаешь к сегодняшнему обеду, можешь назвать любую цену.

Глаза старика снова забегали, и теперь Банда был полностью уверен, что все получится.

– Конечно-конечно... Какая любая цена?! Мне ничего не надо! Я только для старых друзей стараюсь... Ну, доверенность – триста долларов, бензин – сто долларов... – старик загибал пальцы, говоря с остановками и присматриваясь к реакции Сашки, стараясь не прогадать. – Мне, старику, на пенсию – пятьде... нет, сто долларов. И к обеду, уважаемый, все документы у тебя будут совсем хорошие!

Банда, не торопясь, с видом стопроцентного миллионера, вынул из кармана брюк деньги и, отсчитав пять бумажек, протянул чайханщику.

– На, держи... Если все сделаешь быстро и хорошо, да еще и еды мне в дорогу соберешь, получишь дополнительных сто баксов на пенсию. Понял? – Банда пошелестел стодолларовой бумажкой, держа ее в пальцах перед жадными глазами узбека – Только я тебя прошу – очень постарайся, Турсунов, сильно хорошие документы должны получиться – О, какой разговор! Может, отдохнешь у меня, дорогой гость? Поспи, сил наберись... – ласково ворковал чайханщик, пряча деньги куда-то в бесконечные недра своего халата.

Банда знал хитрого старого черта. А потому решил не рисковать.

– Нет, спасибо, я пойду погуляю.

Он взглянул на часы:

– Почти одиннадцать. До четырех успеешь?

– Про что разговор! Конечно, все будет сделано, как ты хотел, старлей Банда.

– Ну вот и ладненько... Значит, в четыре я сюда за документами заеду.

Сашка встал и направился к кухне, намереваясь через чайхану снова попасть на улицу, но старый узбек опередил его, протестуяще преграждая дорогу:

– Подожди, уважаемый! Зачем туда? Зачем чужой глаз чтобы смотрел?.. Тебе это надо? Мне тоже не надо!.. Пойдем-пойдем! – он пальцем поманил Банду в глубь двора, затем к стене, и парень заметил вдруг совсем маленькую калитку, высотой метра в полтора, выходящую, как оказалось, на параллельную, совершенно глухую улицу.

– Молодец, старик, настоящим конспиратором стал! Раньше вроде посмелее был!

– Э-э, время такое, дорогой! Много-много бандитов стало. Молодежь пошла – за одного барана мать родную прирежут. Тебе это надо? – снова повторил Турсунов свой вопрос, суетливо отпирая замок. – И мне не надо! Ты в четыре часа сюда тоже приходи. Я буду здесь ждать. Вот так, – он костяшками пальцев четыре раза ударил в дверь, – постучишь – я тебе, уважаемый, сразу и открою Хорошо?

– Договорились. Ну пока!

Банда уже согнулся чуть ли не вдвое, чтобы пролезть под низенькой притолокой калитки на улицу, как вдруг будто вспомнил что-то и снова повернулся к Турсунову, внимательно посмотрев ему в глаза.

– И вот что, старик. Ты не обижайся, но время – сам сказал! – сейчас такое – Бондарович вытащил из-за пояса сзади пистолет и, как будто взвешивая его на руке, поднес к самому лицу чайханщика:

– Ты уж гляди, Турсунов, без шуток. Мне, понимаешь ли, терять нечего – я тебя, ежели что, из-под земли достану!

Турсунов часто-часто закивал:

– Ну что ты, гость уважаемый! Обязательно все сделаю, как надо, ты же меня знаешь! Я тебя хоть раз подводил? Так не обижай старого человека!

– А ты и не обижайся. Это я тебе так сообщил, на всякий случай, для информации, – бросил Банда, засовывая пистолет за пояс и, снова согнувшись в три погибели, выбрался на улицу. – Не забудь и не перепутай – ровно в четыре я буду здесь. Откроешь...

* * *

Вечером того же дня после очень сытного и веселого ужина в чайхане Турсунова Бондарович выруливал на трассу, ведущую в Карши.

Старик не подвел – доверенность действительно получилась отличная. Покойный Ахмет перевернулся бы в гробу, если бы знал, что спустя день после смерти он с радостью поручил своему убийце распоряжаться своим же автомобилем, даже с правом передоверия и продажи.

Бензобак "мицубиси" теперь был полон, и в багажнике тяжело и сытно плескались пять стандартных канистр, заполненных отличным высокооктановым "девянсто пятым" бензином, судя по приятному, чуть приторно-сладкому запаху – финским.

Банда даже не представлял себе, откуда в этой глуши могло взяться такое великолепное топливо – он мечтал получить хотя бы неразбавленный "семьдесят шестой".

На заднем сиденье в огромных свертках лежала провизия, заготовленная щедрой рукой чайханщика, честно заработавшего дополнительных сто долларов "к пенсии". Старик зачем-то сунул Банде несколько бутылок водки "Смирнофф" с синей этикеткой – пятидесятиградусной.

Парень смело вел теперь уже свою машину, не остерегаясь ни милиции, ни таджикской мафии, и "мицубиси" жадно и страстно поедала километр за километром, все дальше увозя своего нового хозяина от кошмара прожитых дней и все ближе подвигая его вперед, навстречу совершенно неизвестному и непредсказуемому будущему.

Он снова включил магнитола, в который раз слушая одну и ту же кассету.

Наше будущее —

туман,

В нашем прошлом —

то ад, то рай...

"Ну что ж! – улыбнулся Бондарович. – Будущее, несомненно, в тумане, но хуже, чем то, что хлебнул я здесь, вряд ли где еще увижу!"

Начинается

новый день,

И машины —

туда-сюда,

Раз уже солнцу вставать

не лень,

И для нас,

значит, —

ерунда.

"Даст Бог, так и будет!"

До Бухары оставалось километров триста. По пустынной равнинной дороге "паджеро" с легкостью съедал такое расстояние часа за два...

Часть вторая В омуте

I

Шестой день пути клонился к вечеру.

Уже четыре тысячи шестьсот километров накрутил счетчик спидометра "паджеро" с тех пор, как Бондарович выехал из Дехканабада.

Как ни старался Сашка выжимать из довольно скоростного джипа весь максимум, на который тот был способен, средняя скорость в пути так и не превысила семидесяти километров в час. Да и то сказать – как можно было стать быстрее, когда никудышные узбекские дороги сменялись чуть ли не тропками каракалпакской степи, а те в свою очередь – перегруженными сверх всякой меры шоссе Краснодарского края.

Как ни пытался парень полностью использовать две возможности своего довольно комфортабельного "коня", бесконечно меняя регулировку сиденья и руля, усталость смертельной тяжестью сдавливала плечи, спину, руки, оковывала дремой красные от постоянного недосыпанная ввалившиеся глаза.

Шутки-шутками, но шесть суток за рулем без сменщика-напарника и с минимальными остановками для отдыха, питания и дозаправки лишили бы сил любого человека, даже такого тренированного здоровяка, каким с полным правом мог считать себя Банда Правда, теперь от этого здоровяка, честно сказать, мало что и осталось. За последнюю неделю он изменился неузнаваемо – осунулся, похудел. Его глаза, и без того строгие и колючие, запали глубоко-глубоко, выцветшими голубыми хрусталиками сверкая из-под насупленных бровей. Пыльные волосы свисали тяжелыми жирными прядями в невообразимом беспорядке, придавая их хозяину странный и страшный вид. Милиционеры, таможенники, пограничники, которые попадались на его пути, с удивлением разглядывали Бондаровича, с недоверием вертя в руках его документы, и часто советовали водителю остановиться – поспать, отдохнуть. Но еще чаще представители дорожной власти с задумчивым видом тянулись во внутренний карман кителя, красноречиво вытаскивая книжку квитанций на штраф "Э, дорогой, скорость превысил, надо платить!", "Вы не заметили знак, товарищ водитель, и в результате нарушили пункт такой-то правил дорожного движения. Придется вам выписать штраф!" и т.д и т.п.

Вершиной нахальства инспекторов ГАИ ему поначалу показался случай в Ургенче. Там местный инспектор долго чесал голову, не в силах выдумать подходящее в данном случае нарушение, а затем радостно воскликнул, тыча пальцем! в пыльный бок машины "Э-э-э, уважаемый, у тебя машина совсем грязный. Нехорошо. Экология, понимаешь, в опасности, а ты такой грязь в город везешь!" Увлечшись, гаишник подбежал к передку "мицубиси" и, просунув руку сквозь решетку мощного никелированного бампера, пальцем протер стекло блок-фары: "Ты смотри, и фары грязный совсем! Ты, уважаемый, аварийный обстановка создаешь. Совсем нехорошо!" Тогда Сашка с тоской взглянул на яркое солнце, в лучах которого он будто бы создавал аварийную обстановку запыленными фарами, и со вздохом расстался с двадцатидолларовой купюрой, которая тут же превратила его "паджеро" в исключительно чистый в экологическом отношении автомобиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.